

Федор Савихин, Аарне Касиков, Евгений Васильченко

Эволюция взгляда на заселение русскими западного берега Чудского озера (Эстония) и на возникновение беспоповского старообрядчества в Причудье

По западному берегу Чудского озера тянется цепочка деревень с преимущественно русским населением и местными русскими названиями Логоза (эст. Vene Lohusuu), Чорна (Mustvee), Раюша (Raja), Кикита (Kükita), Тихотка (Tiheda), Красные Горы (Kallaste), Ротчина Rootsiküla), Нос (Nina), Малые и Большие Кольки (Väike ja Suur Kolkja), София (Sofia), Казапель (Vene Kaserää), Воронья (Varnja); несколько поодаль от берега расположена деревня Костина (Kigepi)¹. Все перечисленные деревни расположены в Западном Причудье, т.е. в полосе шириной в два десятка километров вдоль берега озера: это зона древних контактов двух финно-угорских (эсты, воть) и двух славянских (словене новгородские, кривичи) образований. В свою очередь в «шведское» время (XVII в.) Западное Причудье являлось частью Тартуского лена² (эст. Tartu lään, карта 1), позже в составе России — частью Дерптского (Тартуского) уезда Лифляндии. С начала XIX в. половина русского населения этих деревень исповедует православие, вторая половина —

Федор Савихин

Тартуский университет,
Эстония

Аарне Касиков (Aarne Kasikov)

Тартуский университет,
Эстония
aarne@fi.tartu.ee

Евгений Васильченко

Тартуский университет,
Эстония
eugen@fi.tartu.ee

¹ Нередко к ним относят также деревню Берёзье (эст. Perese, Kaseküla) и деревни острова Межя-Ририссаар: Межя (Piiri), Тони (Toonja), Желачек (Saare). Деревня Межа отошла к Лифляндии после 1684 г., деревни Березье, Тони и Желачек отошли к Эстонии после 1920 г. Как и А. Моора [Moora 1964: 95–97], мы не относим деревни острова и Березье к западному побережью, поскольку история их формирования в корне отличается от деревень Западного Причудья.

² Лен (эст. lään) — шведская административно-территориальная единица.

беспоповское старообрядчество¹ поморского и федосеевского толков. Русские названия некоторых поселений Западного Причудья и проживание в них русских зафиксированы уже в самых ранних документах конца XVI — начала XVII в.² (см. карту 1), но наиболее резкий рост численности русских в перечисленных выше прибрежных деревнях произошел после ревизии 1758 г. и длился до начала XIX в.³ Это связано с тем, что в течение XVI—XVIII вв. было две волны переселения русских в Западное Причудье. Согласно данным ревизий первая волна закончилась не позднее первой трети XVII в. Вторая волна русских переселенцев началась в XVIII в. и в зависимости от предполагаемой причины возникновения ее связывают либо с двадцатыми-сороковыми годами, либо с третьей четвертью этого века. В первом случае полагается, что русские переселенцы — это разного рода беглые из России в нынешнюю Эстонию (крепостные, раскольники, солдаты, преступники и под.), которые в конце XVIII в. заселили и западный берег. Во втором случае считается, что вторая волна русских переселенцев коснулась только западного берега Чудского озера и была вызвана массовым переселением сюда раскольников из России. Тем самым сторонники последнего мнения по сути исключают возможность участия в формировании прибрежного населения русских, проживавших в Северном и Западном Причудье до переселения раскольников. При обсуждении версий о заселении русскими западного побережья целесообразно выделить два этапа: до выхода монографии Е. Рихтер «Русское население Западного Причудья» (1976 г.) и после. На первом этапе накапливались документальные сведения о русских Западного Причудья и западного побережья, а версия о преимущественном заселении побережья раскольниками выступала как предположение. После выхода монографии Е. Рихтер считается установленным, что основное русское население побережья образовано раскольниками, переселившимися сюда

¹ В отличие от староверия в беспоповском старообрядчестве нет таинства священства.

² Noss (Нос, эст. Ninasi), Jugowiec (Логовесь, Лóгоза, Lohusuu), Musth alias Czarne (Чёрна, Mustvee), Omuth (Óмут, Omedu), Lachta (Лакхта, Laht), Rotzy (Рóтчина, Rootsiküla), Kolko (Кóльки, Kolkja), Kosa-kulla, Kosa (Кóса, Koosa), Костры (Kostr, Kaster, Kastre), Мóгилев (Mäksa?). Названия Красные Горы еще нет, но в XVII в. в этом районе русские жили. В монографии [Рихтер 1976: 13] деревня Noss неверно сопоставлена с деревней Nina, ошибка повторена в [Пономарева 2000: 17].

³ По ревизии 1758 г. [Ligi 1976: 70–71] в прибрежных деревнях отмечено около 350 русских. Из них в Чорне (эст. Mustvee) проживало 137 русских, в деревнях Кикита (Kükita) и Тихотка (Tiheda) православных имен нет, деревня Раюша (Raja) еще не образовалась. Деревни Ротчина (Rootsiküla), Нос (Nina), Кольки (Kolkja) и Казапель (Vene Kaserää) были чисто русскими, в них проживало 177 человек. В самой большой из них деревне Нос (около 130 русских) были православные часовенка и кладбище. В районе расположения деревни Красные Горы (эст. Kallaste) отмечена чисто русская деревушка, в которой жило 4 семьи (не более 30 человек). Сведений о численности русских жителей в Воронье (Varnja) нет. Ни одной старообрядческой моленной не отмечено. В 1820 г. в перечисленных в начале статьи прибрежных деревнях проживало около 4 200 русских [Моога 1964: 94–97], построены почти все старообрядческие моленные, но ни одной православной.

непосредственно из России, собираются сведения, касающиеся только причудских старообрядцев-беспоповцев, называемых староверами, и с ними связываются все особенности западнопричудцев как с единственными представителями русского старожильского населения края. В результате такого подхода происхождение православного русского населения побережья, составляющего в буквальном смысле половину русских края, не обсуждается. Кроме того, вплоть до настоящего времени не найдено документов о переселении заметных по численности групп раскольников ни на территорию нынешней Эстонии, ни на берег Чудского озера. Для получения представления о сложившейся ситуации и о пути ее разрешения проследим, как в течение времени накапливались сведения о западнопричудцах до и после выхода монографии, а в заключение изложим историю заселения русскими западного берега и возникновения среди них беспоповского старообрядчества по опубликованным и нами дополненным сведениям.

I. Сведения о русских Западного Причудья в некоторых публикациях до выхода монографии Е. Рихтер (1976 г.)

I.1. Сведения XIX в. о русских западного побережья

Первым из исследователей, проявивших интерес к русским Западного Причудья, был пастор А.В. Хупель (Гупель, нем. A.W. Hupel), собиравший данные по Эстляндской и Лифляндской губерниям и публиковавший их с 1774 по 1796 гг., т.е. в годы наиболее бурного роста численности русских в прибрежье. По сведениям А.В. Хупеля в прибрежных деревнях русские появились до начала сбора им информации, большинство из них знало эстонский язык. Факт знания эстонского языка русскими западного побережья в начале XIX в. отмечался и в других источниках того времени [Булгарин 1836: 387; ссылки в: Моога 1964: 97–98]. Исходя из знания эстонского языка русскими причудцами и имеющихся сведений о них, А.В. Хупель полагал, что предки русских были в основном эстонцами Западного Причудья, которых во время Северной войны вывезли в Россию. По данным из разных источников было вывезено от нескольких сот до 6 000 мужчин, последняя цифра явно завышена. В России они перешли в «греческую церковь», после заключения мира (1721 г.) вернулись и поселились в Причудье, окончательно обрусели и размножились. После возвращения они приписались к русской церкви в Дерпте (Тарту). В 1780-х гг. их численность составляла около 2 000 чел. Кроме того, А.В. Хупель сообщил, что уже в конце XVIII в. из-за оскудения рыбных ресурсов озера рыбаки стали использовать сети с более мелкой ячеей [Hupel 1789: 199–200].

Следующая версия о русских западного побережья представлена в материалах Канцелярии Остзейского генерал-губернатора 1811—1861 гг. о раскольниках в Тартуском уезде¹. Наиболее обстоятельно она изложена в «Донесении Комиссии, учрежденной для соображений об устройстве быта русских поселенцев на Лифляндском берегу Пейпуса» 1861 г. [ЕАА. Ф. 291. Nim. 1. S. 16116]. В нем использованы сообщения жителей, некоторые российские источники, в их числе результаты Комиссии по сыску беглых в Эстляндии и Лифляндии [Сборник 1879: 543—554], действовавшей с 1740 по 1753 гг. Согласно «Донесению» жители прибрежных деревень — это проживавшие там с «незапамятного времени» русские, а также бежавшие из России раскольники, преступники, крепостные и солдаты². Сначала большая часть русских причудцев была причислена к Тартуской Успенской православной церкви. Однако позже, благодаря активной деятельности старообрядческих наставников³, среди населения побережья распространилось беспоповское старообрядчество федосеевского толка. По приведенным в «Донесении» данным [ЕАА. Ф. 291. Nim. 1. S. 16116. Lk. 20] в 1857 г. в русских приходах перечисленных в начале статьи прибрежных деревень, к которым относились и ближайшие к ним мызы и деревушки, числилось 7 267 прихожан, половина из которых была старообрядческой (3 805 или 52 % русских)⁴. А поскольку у чиновников в распоряжении были только упоминания о русских, проживавших здесь издавна, отчеты Комиссии по сыску беглых и конкретные сведения о русских побережья во времена сбора данных, то чиновники полагали, что русские побережья являются в основном потомками беглых, среди которых и распространилось беспоповское старообрядчество. Нет оснований не доверять источнику, так как сведения собирались спустя 30 лет после начала резкого роста численности русских в побережье, а предположение о преимущественном переселении раскольников на западное побережье впервые высказано в конце XIX в. Но материалы Канцелярии Остзейского генерал-губернатора на долгое время оказались вне поля зрения исследователей. Например, «Донесение» 1821 г. было впервые обнаружено Е. Рихтер и использовано в ее

¹ «Донесения» хранятся в Тартуском отделении Исторического архива Эстонии (ЕАА), фонд 291.

² Информация о беглых берется из отчета Комиссии по сыску беглых в Эстляндии и Лифляндии. Каких-либо данных по Тартускому уезду Комиссия не представила. Она лишь отметила, что число выдворенных из Прибалтики составило 1 125 чел., но немало их там и осталось; см. также: [М.Н.С. 1896: 609].

³ Имена нескольких первых наставников в «Донесении» указаны: Аврам Данилов и двое Сафроновых.

⁴ Согласно «Именному списку раскольников» 1855 г. вне прибрежных деревень проживало 135 старообрядцев [Список 1855: 27—103; ЕАА. Ф. 291. Nim. 8. S. 1650. Lk. 121—169]. Исходя из этого в прибрежных деревнях жило не более 3 700 старообрядцев.

монографии 1976 г. со ссылкой на фонд ЦГИА СССР (Ф. 1284). В конце прошлого — начале этого века некоторые документы о старообрядцах, в их числе «Донесение» 1861 г., были обнаружены З.И. Куткиной в Тартуском архиве. В 2003 г. Е.А. Агеева провела там детальный поиск документов о причудских старообрядцах, обнаружила «Донесение» 1821 г. [ЕАА. Ф. 291. Nim. 1. S. 173] и немало не известных ранее документов, часть их прокомментировала и опубликовала [Агеева 2004: 19–143]. В комментариях к «Донесению» 1861 г. она отметила, что в нем говорится о возникновении старообрядчества в Причудье, а не о массовом переселении сюда раскольников. Более обстоятельно мы привлечем сведения из материалов Канцелярии Остзейского генерал-губернатора при обсуждении монографии Е. Рихтер.

Несколько иная картина заселения русскими западного берега Чудского озера представлена в статье М.Н.С. [1896: 608–610]. Основываясь только на том, что в конце XIX в. на западном берегу озера жило немалое число старообрядцев, автор статьи полагал, что заселение западного берега русскими началось со второй половины XVII в., когда раскольники массово бежали за рубеж от преследований в России. В XVIII в. к ним подсаелись беглые, спасавшиеся от помещичьего произвола и страшной рекрутчины¹, — автор дает ссылку на публикацию «Русские беглые люди в Курляндии в 1783 г.» [Сборник 1879: 543–554]. Заметим, что в петровские времена бежали как в Прибалтику, так и из нее. Беглые появились в Прибалтике во времена нехватки рабочих рук, поэтому, несмотря на распоряжения властей о выдаче беглых, местные землевладельцы не торопились их выполнять, мотивируя это тем, что сбежавших от них в Россию, Курляндию или Польшу обратно практически не возвращали.

1.2. Заселение русскими западного побережья по монографии А. Моора

В монографии «Об этнической истории Причудья» (Эстонии) [Моора 1964] при обсуждении заселения русскими западного побережья впервые были привлечены количественные данные о русских, полученные из обнаруженных А. Моора документов, в первую очередь шведских и немецких. Русских она выделяла по православным именам, т.к. фамилии всем жителям нынешней Эстонии начали присваивать только с начала XIX в. А. Моора показала, что в некоторых деревнях прибрежья православные имена встречаются уже в ревизиях конца XVI —

¹ В Эстляндии и Лифляндии рекрутская повинность была введена в 1797 г.

начала XVII в., но к концу XVII в. деревня Кольки (эст. Kolkja) полностью обезлюдела, в деревнях Воронья (Varnja) и Казапель (Vene Kasepää) исчезли православные имена и остались только в деревне Нос (Nina) и вблизи деревни, получившей позже название Красные Горы (Kallaste)¹. На основе численных данных А. Моора установила, что основной приток русских переселенцев на западный берег озера произошел с 70-х гг. XVIII по начало XIX в. Так, в основных старообрядческих деревнях побережья Красные Горы, Большие и Малые Кольки и Казапель в 1758 г. проживало не более 80 русских [Ligi 1976: 71], в 1782 г. — около 500, в 1820 г. — 1 722, в 1851 г. — 2 286 русских [Моора 1964: 94–97]. А. Моора отметила, что опубликованные в 1851 г. данные относятся к более раннему году². Действительно, используя метод интерполяции, получаем, что в 1851 г. в этих деревнях проживало около 2 700 русских³. При этом до начала XIX в. численность русских росла за счет переселенцев извне, позже — в основном за счет естественного прироста (см. подробнее: [Савихин, Касиков, Васильченко 2009: 433–436]). Поначалу русские побережья были приписаны к крепостным и вольным крестьянам, но после отмены крепостного права (1819 г.) они начали приписываться к городам независимо от наличия паспорта. Кроме того, из приведенных А. Моора документов 1782 г. следует, что в конце XVIII в. основной поток русских переселенцев на западный берег озера шел не непосредственно из России, а из Прибалтики, причем в этом потоке были и давно проживавшие в ней, и сбежавшие в петровское время в Польшу, Курляндию и Россию. Возвращенные назад в Эстляндию, они были причислены к вольным крестьянам Екатерининского дворца в Ревеле. К 1781 г. число возвращенных и причисленных к дворцу превысило 1 700 чел. Позже эта группа вольных крестьян расселилась по волостям Эстляндии, часть из них в конечном итоге оказалась в Западном Причудье и в прибрежных деревнях [Моора 1964: 98–99]. Например, в 1782 г. на прибрежной мызе Алатскиви (эст. Alatskivi), где располагались деревни Ротчина, Нос, Кольки и Казапель, жило 611 русских, из которых 85 были крепостными, а 526 (143 семьи) — вольными крестьянами [ЕАА Ф. 1865. Nim. 2. S. 23/1. Lk. 29–38]. Из 143 глав семей вольных крестьян 125 получили паспорта в Ревеле, 14 — в Риге, 1 — в Полоцке. 39 человек из них родились на мызе, получили паспорта в Ревеле (27) и Риге (12), а из 67 семей, возвращенных

¹ Русские названия большинства деревень западного побережья — это названия навигационных береговых ориентиров, возле которых позже образовались деревни.

² Этот факт свидетельствует о вдумчивом отношении А. Моора к документам.

³ Из 2 700 русских были старообрядцами 1 840 [Список 1855: 27–103; ЕАА. Ф. 291. Nim. 8. S. 1650. Lk. 121–169], а треть (860 чел.) — иной веры.

из Польши и России и причисленных к Екатерининскому дворцу, лишь одна переселилась сюда, минуя промежуточные волости. Поэтому для получения полной картины заселения русскими западного побережья в конце XVIII в. важно знать, из каких областей Прибалтики шел поток русских переселенцев. Из-за сложности этого вопроса [Moora 1964: 98, сноска 183] А. Моора ограничилась обсуждением численности русских в прибрежных деревнях. В документах 1782 г. она нашла сведения о жителях 8 деревень из 12 существовавших, в которых проживало 920 русских¹; в документах за 1811 г. — о жителях двух деревень; данные для всех перечисленных в начале статьи деревень были обнаружены начиная с 1820 г. Представление об относительном числе «староверов» (перевод с эстонского) и русских на побережье она составила на основании опубликованных в [Bertram 1868: 92–93] сведений второй половины XIX в. для 5 деревень: в них проживало 1 715 староверов из 3 245 русских, т.е. староверы составляли чуть больше половины русского населения (52 %). На основании этих данных А. Моора заключила, что в Причудье жили «большой частью староверы» (эст. enamasti vanausulised), и быстрый рост численности русских в конце XVIII в. связала с переселением «главным образом» (эст. peaasjalikult) староверов [Moora 1964: 99]. Таким образом, это заключение основывалось не на имевшихся данных, а на традиции эстонских ученых относить всех русских Западного Причудья к староверам из-за ясности мотивов их переселения (сохранение устоев своей веры) [Liiv 1928; Ränk 1934; Annist 1973 и др.].

Используя данные «Донесения» 1821 г. о численности раскольников в Тартуском уезде в 1820 г. [Рихтер 1976: 21] и данные А. Моора о численности русских в прибрежных деревнях, можно убедиться², что и до строительства православных церквей в прибрежье (с 1824 г.) старообрядцы составляли около половины от проживавших там русских — то же соотношение в более позднее время дано в работе Бертрама [Bertram 1868: 92–93] и ранее упомянутом «Донесении» 1861 г. Кроме того,

¹ В числе деревень, сведения о которых не найдены, были деревня Чорна (эст. Mustvee), где уже в 1758 г. жило 137 русских, и Воронья (эст. Varņja), где в 1780 г. жило более 60 русских семей (более 400 чел.) [Nupel 1782: 253]. Исходя из этого численность русских в 12 прибрежных деревнях превышала 1 500 чел., т.е. оценка в 2 000 чел. близка к реальной [Nupel 1789: 200].

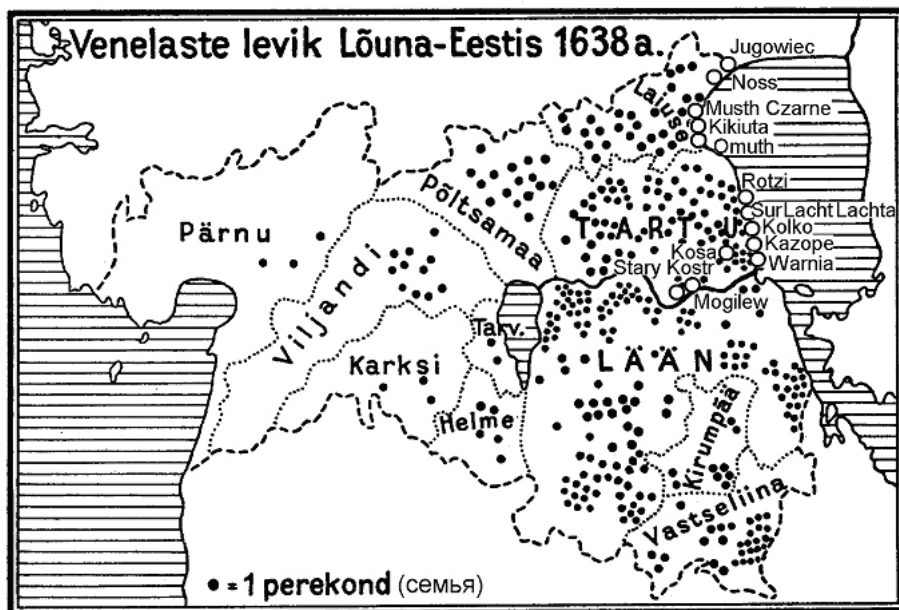
² В 1820 г. в прибрежных деревнях проживало около 4 200 русских [Moora 1964: 94–97]. В этом же году в Тартуском уезде число раскольников достигало 2 700 [Рихтер 1976: 21]. После вычитания числа старообрядцев, проживавших на мызах и острове Межа-Piitissaar, получаем, что в прибрежных деревнях было около 2 400 старообрядцев. Для сопоставления с данными А. Моора учтем, что около 10 % старообрядцев имели нерусские фамилии — см. списки раскольников 1833 и 1855 гг. в: [ЕАА. Ф. 291. Nim. 8. S. 1650; ЕАА. Ф. 1384. Nim. 1. S. 8] или: [Список 1855]. Таким образом, в указанных деревнях проживало около 2 150 старообрядцев с русскими фамилиями, составлявших около половины русского населения.

по сообщению А.В. Хупеля [Hupel 1789: 200] русские западно-причудцы поначалу были приписаны к православной церкви. Эти два факта однозначно свидетельствуют, что заселение русскими западного побережья не было связано с преимущественным переселением раскольников. Тем самым из собранных данных А. Моора следовало, что заселение русскими западного побережья произошло в конце XVIII в., поначалу в основном со стороны Прибалтики. Однако из имевшихся фактов логически не следовало предположение, что русские переселенцы в конце XVIII в. были в основном староверами. Если учитывать сообщение А.В. Хупеля, это предположение оказывается неверным. Но в задачу А. Моора не входило выяснение религиозных устоев русских Северного и Западного Причудья. Ценность монографии в том, что в ней собран и тщательно проработан громадного объема археологический и исторический документальный материал по Северному и Западному Причудью и по деревням западного побережья, тем самым создана обстоятельная основа для уточнения этнической истории Причудья Эстонии.

1.3. Русские Западного Причудья в XVII в.

Несомненно проживание русских в Северном и Западном Причудье во второй половине XVI в. Особенно много русских было приведено во время Ливонской войны (1558–1582) на строительство дорог и мостов. В Псковской летописи жалуются: «И наполни грады чюжие Русскими людьми, а свои пусты сотвори». В XVI в. было образовано Тартуское православное епископство. После завоевания шведами Эстляндии, а поляками Лифляндии многие русские здесь остались, несмотря на то, что православные церкви были закрыты и начался перевод шведами православных в лютеранство, а поляками — в католичество. Полные сведения о расселении русских по южной части нынешней Эстонии до реформ Никона содержатся в ревизии 1638 г. [Revision 1638], где русские семьи отмечены как “Rusze”, “Reusz”. Результаты анализа ревизии опубликованы в 1933 г. [ERA 1933]. На приводимой оттуда карте 1 расселение русских семей отмечено черными точками [ERA 1933: 938] (см. также: [Савихин 2002]).

Из рассмотрения карты следует, что основная часть русских проживала не в прибрежных деревнях, а в глубине Тартуского лена (на карте 1 — Tartu lään). Связь расселения русских с православным епископством XVI в. можно усмотреть в том, что на западной границе бывшего епископства численность русских резко обрывается, а не спадает медленно, как было бы в случае

Карта 1. Расселение русских семей по южной Эстонии по ревизии 1638 года [ERA 1933: 938]. Добавлены названия некоторых поселений конца XVI — начала XVII в.

естественной миграции. В 1638 г. в Тартуском лене доля русских семей относительно эстонских составляла 17 % [ERA 1933: 931]. Наши подсчеты дали близкие результаты¹. А поскольку в монографии А. Моора обсуждается лишь численность русских в *прибрежных деревнях*, то речь в ней идет о малой доле русских Западного Причудья. За два года до появления монографии А. Моора вышла статья В. Мурель [Murel 1962]. В ней показано, что при учете внутренних областей Западного Причудья соотношение численности русских семей к численности эстонских слабо изменялось со времени первой ревизии (1582 г.) по конец XVII в. Это означает, что значительного по численности переселения русских из России в Западное Причудье или на побережье в этот период не происходило. В. Мурель показала также, что в первой половине XVII в. русские имена сосредоточивались в основном на относительно плодородных почвах внутри Западного Причудья, позже — в прибрежье, где почвы скудные (песчаные и болотистые). В имевшемся у Г. Рянк [Ränk 1934: 24–25] описании шведской карты земельных участков 1681–1684 гг. (Discriptions

¹ В ревизии отмечено 42 переселившихся в недалеком прошлом на юго-восток Эстонии из России и 34 переселившихся из тех же волостей в Россию. Из 76 имен только 6 православных, да и в ревизии около 30 % отмеченных русскими имели неправославные имена.

Boock) переселившимися в недалеком прошлом из России на западный берег были отмечены Wanka, Pottaska, Kertana hans, Efka, Cormin, Ofontea, Waska bardul, Wena Andres, Dutka Iwaska, Miska, Mikita, Miska Sidar, Piedar, Wena Iwaska. Вместе с местными русскими они образовали первую на западном берегу чисто русскую деревню Нос (Nina) в 1681–1682 гг. С начала появления сведений о ней деревня остается православной¹. Наиболее вероятно, что по приглашению хозяина мызы сюда переселилась псковская рыболовецкая тоня (артель), т.к. она была поселена на берегу озера с выделенной землей под постройки, огороды и под кладбище, но без пахотной земли. По мнению В. Мурель, жившие в Западном Причудье в XVII в. русские подготовили благоприятные условия для будущих переселенцев из России², т.ч. выявленное А. Моора значительное обэстонивание русских в прибрежных деревнях оказалось нехарактерным для русских Западного Причудья в целом.

Таким образом, приведенные документальные сведения В. Мурель, Г. Рянком и данные ревизии 1638 г. свидетельствуют о том, что основная часть предков русских Западного Причудья конца XVII в. находилась на территории нынешней Эстонии уже до 1638 г., т.е. до раскола православной церкви в России (1667 г.), и могла участвовать в формировании преимущественно русских прибрежных деревень. На последнее указывает то обстоятельство, что преимущественно русские деревни образовались только в тех местах на берегу озера, вблизи которых русские жили уже в 1638 г. Например, по данным ревизии 1638 г. в деревне Чорна (эст. Mustvee) числилось всего две семьи, одна из них была русской. Однако в ближайших к деревне лютеранских приходах Торма (эст. Torma) и Лайусе (Laiuse) было немало семей, обозначенных в ревизии 1638 г. русскими. Данные ревизии о русских подтверждаются конкретными записями пасторов этих приходов. В них сообщается, например, что в 1646 г. в лютеранском приходе Торма на причастие не пришли 33 русские семьи (православие было запрещено). В лютеранском приходе Лайусе³ не пришли на причастие 15 русских семей, в 1680 г. пришли все кроме двух, но не отмечено факта обэстонивания русских [Кбър 1937: 126]. Таким образом, в сумме получается, что вблизи деревни Чорна (Mustvee) в 1646 г. проживало не менее 62 русских семей. В 1758 г. в деревне проживало 137 русских или не менее

¹ В историческом романе «Последний новик» 1831–1833 гг. деревня Нос (эст. Nina) неверно представлена как старообрядческая [Лажечников 1983: 433–462]. В романе допущены и другие исторические неточности.

² А. Моора [Moora 1964: 53] не оспаривает этот вывод В. Мурель.

³ На карте 1 область Лайусе (эст. Laiuse) выделена: в ней отмечено 29 русских семей.

20 русских семей (см. сноску 3 на с. 113). Для сравнения на территории нынешней Эстонии в середине XVII в. было около 130 000 жителей, в 1750 г. — 335 000 [ЕЕ 2002: 245], т.е. численность населения за этот период возросла в 2,5 раза. Следовательно, в 1758 г. в деревне Чорна и вблизи нее могло проживать более 150 русских семей. Эти оценки свидетельствуют о том, что до раскола православной церкви в России вблизи Чорны (Mustvee) проживало достаточное число русских семей, чтобы обеспечить численность русских в деревне в 1758 г. и в более поздние годы.

С последним согласуются сведения Ф. Булгарина [Булгарин 1836: 387]: в беседе с жителем деревни Чорна (эст. Mustvee) он узнал, что в деревне проживают русские, переселившиеся сюда в «шведское» время. По данным ревизий и сообщениям пасторов речь идет о переселении русских до реформы Никона. Следовательно, в рассмотренном случае можно с уверенностью говорить о том, что основное русское население деревни и, скорее всего, ближайших к ней деревень Кикита (эст. Kükita) и Тихотка (Tiheda) образовано в основном русскими, проживавшими вблизи них до раскола православной церкви в России. Весьма вероятно, что в архивных материалах Консistorии Лифляндии имеются подтверждения данных ревизии 1638 г. о русских и других областях нынешней Эстонии. Так, сведения о русских Северного Причудья в материалах Консistorии Эстляндии использованы О. Лийвом [Liiv 1928: 69–89] для выяснения процесса перевода русских православных района Ийзаку в лютеранство в течение XVII–XVIII вв. (область 3–3 на карте 2, с. 132 данной статьи). Таким образом, документальные свидетельства говорят о том, что после раскола православной церкви в России и до конца XVII в. заметного по численности переселения раскольников в Западное Причудье не было. Нет свидетельств и заметного обэстонивания в этот период проживавших там русских. Они посещали кирхи, но, как будет показано позже, сохраняли элементы старого православия.

Крайне важно подчеркнуть, что при обсуждении заселения русскими западного побережья необходимо различать понятия «Западное Причудье» и «западное побережье», т.к. длительное время основная масса сельских русских проживала в глубине Западного Причудья и позже участвовала в формировании населения прибрежных деревень. К концу XIX в. русское население Западного Причудья оказалось в основном на побережье¹,

¹ В 1897 г. число сельских жителей Тартуского уезда, для которых родным языком был русский, составило 10 100 человек, из них 5 726 или 54 % были старообрядцами [Всеобщая перепись 1897, Лифляндия: 3]. Неясно, какие деревни острова Межа включены в перепись. По данным А. Моора в 1922 г. численность русских в побережье достигала 10 500 человек [Moora 1964: 94–97].

поэтому только с начала XX в. при обсуждении расселения сельских русских становятся равнозначными понятия «Западное Причудье» и «западное побережье».

1.4. Особенности говора русских западнопричудцев

Стоящие несколько особняком, но важные сведения были получены прибалтийскими филологами. А именно, к 1963 г. они выяснили, что говор старообрядцев Прибалтики состоял из говоров ближайших русских новгородской, псковской и тверской земель. Однако оказалось, что говор западнопричудцев сохранял архаизмы, которые отсутствовали в говорах старообрядцев Латвии и Литвы [Материалы 1963: 3–5]. Как известно, архаизмы в говоре сохраняются при длительном проживании общины в инородной среде. Поэтому наличие архаизмов свидетельствует о том, что значительная часть предков западнопричудцев гораздо раньше переселились в Эстляндию и эстонскую часть Лифляндии, чем основная масса предков старообрядцев, например, на юго-восточную территорию современной Латвии. Интенсивное переселение на территорию последней началось с третьей четверти XVIII в. по социальным мотивам [Заварина 1969: 163; 2003: 29–30]. Следовательно, значительная часть предков западнопричудцев переселилась на территорию современной Эстонии на столетия раньше, иначе архаизмы в языке не образовались бы, а при малой численности потомков «дораскольных» русских и не сохранились бы. Следует также заметить, что в XIX в. западнопричудцы стали выделять недавних переселенцев из «Расеи», называя их «русманами» [Бобров 1908: 395]¹. Последнее означает, что к этому времени у западнопричудцев возникли признаки субэтноса.

1.5. Краткий итог сведений о русских западнопричудцах до выхода монографии Е. Рихтер

Первый. Говор западнопричудцев свидетельствует о том, что они являются выходцами из ближайших русских земель.

Второй. Во время интенсивного роста численности русских на западном побережье в конце XVIII в. преобладавший поток русских переселенцев был не непосредственно из России, а из Прибалтики, причем выход русских в прибрежные волости и мызы начался в 70-х гг. XVIII и замедлился в начале XIX в.² В дальнейшем рост численности русских в основном определялся естественным приростом.

¹ Сбор данных начат им в 1893 г.

² Наиболее вероятно, что замедление было вызвано уменьшением рыбных ресурсов озера [Hupel 1789: 200].

Третий. До переселения в прибрежье значительная часть предков западнопричудцев долгое время жила во внутренних областях нынешней Эстонии (прописка в волостях, архаизмы в языке причудцев, знание многими эстонского языка и под.); при этом основная масса русских семей в Причудье конца XVII в. жила там до раскола православной церкви в России. Это означает, что вплоть до конца XVII в. раскол православной церкви не привел к заметному по численности переселению раскольников ни в эстонскую часть Лифляндии, ни на западный берег Чудского озера. Не наблюдалось заметной миграции раскольников и в Северное Причудье [Liiv 1928: 35–37].

Четвертый. Сначала западнопричудцы были приписаны к крепостным и вольным крестьянам, но после отмены крепостного права (1819 г.) они начали переходить в мещанское сословие, приписываясь к городам как для получения паспорта, так и при его наличии; при этом русское население прибрежья сформировалось до приписки к городам.

Пятый. В сообщениях людей, контактировавших с русскими западного прибрежья во время или сразу после переселения на побережье, они не отнесены к раскольникам или к староверам. Однако позже возникло мнение, что основными русскими переселенцами в конце XVIII в. были раскольники, перебравшиеся сюда для сохранения устоев своей веры. Мнение основывалось на убежденности в том, что в конце XIX в. старообрядцы составляли основное русское население, хотя по первым опубликованным данным в 1868 г., использованным А. Моора, численность старообрядцев оказалась чуть выше половины (52 %) численности русских. Странники этого мнения ссылаются на монографию А. Моора, но в ней отнесение переселенцев конца XVIII в. к староверам являлось не вытекающим из имевшихся фактов предположением. При учете сведений А.В. Хупеля оно оказалось неверным.

Таким образом, из известных после 1964 г. сведений о русских западного прибрежья складывается следующая картина. Заселение русскими побережья происходило в основном со стороны Прибалтики. В нем участвовали проживавшие там до раскола православной церкви в России, беглые петровских времен, возвращенные беглые из Польши и России и часть возвратившихся из России жителей Западного Причудья, вывезенных туда во времена Северной войны. Значительное число русских долгое время прожили во внутренних волостях Эстляндии и эстонской Лифляндии и по законам тех времен большинство их должно было значиться в списках лютеранских приходов. На побережье озера они были приписаны к православной церкви. Позже часть из них осталась в православии,

другие предпочли беспоповское старообрядчество. Переселенцы не были убежденными раскольниками, иначе непонятно, зачем для сохранения устоев своей веры им нужно было сначала переселяться во внутренние волости нынешней Эстонии и приписываться к лютеранской церкви (к «поганой латине» летописей), а позже — переселяться на берег озера и приписываться к православной церкви и лишь потом оказаться старообрядцами-беспоповцами.

II. Заселение западного побережья русскими по монографии Е. Рихтер

Русскому читателю, вероятно, более известна монография «Русское население Западного Причудья» [Рихтер 1976]. В монографии Е. Рихтер попыталась подтвердить личную убежденность в том, что «основную часть русского населения Причудья в первой половине XIX в. составляли староверы беспоповцы-федосеевцы, однако данных о времени заселения староверами западного побережья Чудского озера в многочисленных сочинениях по истории раскола обнаружить не удалось» [Там же: 11]. Чтобы убедить читателя в переселении русских, т.е. раскольников на побережье непосредственно из России, Е. Рихтер приводит показания нескольких причудских стариков и опубликованное в 1837 г. мнение А.Ф. Риттиха, который считал само собой разумеющимся заселение русскими западного берега с востока [Там же: 19]. При этом об обнаруженных А. Моора документах 1782 г. по заселению русскими побережья со стороны Прибалтики не упоминается.

Основные сведения о раскольниках (= русских) Е. Рихтер берет из «Донесения от Рижского губернатора» 1821 г. [ЕАА. F. 291. Nim. 1. S. 173] о числе раскольников в Тартуском уезде¹. В нем сообщается, что «число раскольников в последние 10 лет <...> увеличилось, так что с 1811 года <...> прибавилось 528 душ [то же в монографии, с. 238 — Ф.С., А.К., Е.В.] <...> и простирается до 2 700 душ обоего пола». О динамике заселения русскими (= раскольниками) западного берега Е. Рихтер судит по численным данным, представленным в таблице 1 [Рихтер 1976: 21] как «Численности русского населения в деревнях Причудья в 1782—1846 гг.» со ссылкой на первоисточники. В действи-

¹ В «Донесениях» число раскольников определялось по разным наборам деревень и мыз уезда. Например, по списку 1855 г. в лифляндской деревне Межа острова Межа-Piirissaar 1855 г. жило 160 старообрядцев [Список 1855: 80], но в Пийрисаарском приходе, включавшем прихожан и российских деревень острова, числилось 539 старообрядцев [ЕАА. F. 291. Nim. 1. S. 16116. Lk. 20]. Однако Е. Рихтер этого не учитывала и всех старообрядцев уезда отнесла к жителям перечисленных в начале статьи прибрежных деревень, для которых имелись данные А. Моора о числе русских.

тельности же число русских в 1782 г. (811 чел.) определено из обнаруженных данных А. Моора для 8 из 12 существовавших русских деревень (вместо 1 500–2 000 чел., см. сноску 1 на с. 118), причем при подсчете численности жителей семья принималась состоящей из одного человека. Данные за 1811–1846 гг. относятся к количеству раскольников в Тартуском уезде. Численность в 1811 г. определена из приведенного выше «Донесения» 1821 г. вычитанием: $2\,700 - 528 = 1\,172$ (!). Близостью числа русских в 1782 г. (811 чел.) в 8 прибрежных деревнях к числу раскольников в Тартуском уезде в 1811 г. (1 172) подтверждается, что русское население прибрежных деревень было в основном старообрядческим [Рихтер 1976: 21]. Однако цифры за 1782 и 1811 гг. ошибочны, к тому же по правилам арифметики не сопоставимы между собой, т.к. относятся к разному набору деревень и мыз и к разным группам населения. По использованным А. Моора данным [Bertram 1868: 92–93] и по сведениям, приведенным нами в сноске 2 на с. 118, старообрядцы составляли только половину русского населения прибрежных деревень, и основное ключевое положение истории ошибочно изначально.

Сравнением численности раскольников в 1811 (1 172) и 1846 гг. (4 600) демонстрируется интенсивное переселение русских (= раскольников) на западное побережье с 1811 г. по середину XIX в. [Там же: 21, 25], особенно бурное — с 1811 по 1820 г. Однако после замены числа 1 172 на получаемое из «Донесения» 1821 г. 2 172 оказывается, что с 1811 г. рост численности раскольников в Тартуском уезде, как и русских в прибрежных деревнях (по данным [Моора 1964: 94–97]!), определялся в основном естественным приростом, и утверждение о переселении сюда большого числа раскольников в этот период является также изначально ложным.

В «Донесении» 1821 г. увеличение числа раскольников с 1811 по 1820 гг. (на 528 душ) объясняется тем, что наставники раскольников «склоняют других² переходить в их веру», а не переселением раскольников извне. Возникшие расхождения между содержанием «Донесения» и утверждениями автора монографии в отношении как прироста численности раскольников (= русских) с 1811 по 1820 г. (528 заменено на 1 528), так и причины увеличения их числа (перекрещивание заменено на

¹ Напомним, по данным А. Моора в начале XIX в. средняя русская семья состояла из 7 чел., поэтому за 40 лет численность русских могла увеличиться в 2,5 раза за счет рождения детей. 40 лет — средняя продолжительность жизни в те времена. Заметим, что такой бурный рост населения Эстонии наблюдался во второй половине XVII и в первой половине XVIII вв.

² Термин «другие» в «Донесении» не раскрыт, под «другими» могли подразумеваться и православные, и лютеране.

переселение из России) не комментируются. В «Донесении» 1821 г. говорится также о том, что в прибрежных деревнях «первоначально поселялись многие беглые, ныне же достигли свободы разными случаями» [ЕАА. F. 291. Nim. 1. S. 173. Lk. 1]. Иными словами, живший в ту пору чиновник сообщает, что русские побережья поначалу были разного рода беглыми, но не говорит, что среди них преобладали раскольники. Эту часть Е. Рихтер приводит, но не комментирует [Рихтер 1976: 19]. В результате получается, что в монографии не приведено ни одного свидетельства о переселении ни одной заметной по численности группы раскольников на западный берег Чудского озера. В «Донесении» 1821 г., как и в последующих, массовое переселение сюда раскольников отрицается с начала интенсивного заселения русскими западного побережья. Кроме того, из данных «Донесения» 1821 г. и работы А. Моора [Моора 1964: 94–97] следует, что до 1820 г. (до построения православных церквей и приписки к городам) в побережье завершилось не только формирование русского населения, но и разделение русских на религиозные течения. В монографии же Рихтер этот период вообще не обсуждается.

Ошибочность основных положений истории по Е. Рихтер, вроде бы подтвержденных своеобразным обращением с правилами арифметики и с содержанием «Донесения» 1821 г., четко просматривается из изложенного в ее книге материала на с. 19–21 и 238 даже при незнании других сведений о западнопричудцах, опубликованных до ее выхода. Поэтому предложенная история с момента ее опубликования не могла рассматриваться в качестве одной из возможных научных версий. Однако никакого обсуждения ошибок Е. Рихтер не последовало даже со стороны научных работников, непосредственно занимающихся проблемами возникновения старообрядчества на западном побережье. Более того, цитирование деталей ее истории продолжается и после публикаций наших статей, и после публикации архивных материалов Е.А. Агеевой [Пономарева, Шор 2006; Морозова, Новиков 2007: 9–10; Исаков 2008: 68–73]¹.

Такая ситуация сложилась вследствие того, что авторы подобных публикаций ссылаются только на выводы Е. Рихтер, не принимая во внимание, на каких фактах и арифметических манипуляциях они основаны. Выявление последних частично осложнено ссылкой на первоисточники без пояснения в монографии значений приведенных в таблице 1 на с. 21 цифр и процедуры их получения. Поэтому значение числа русских в Причудье в 1782 г. устанавливается только из ссылочного

¹ Авторы упомянутых статей считают, что факты и численные данные ревизий можно интерпретировать по-разному, поэтому история по Е. Рихтер имеет право на существование.

материала, и только после прочтения с. 238 выясняется, каким образом получена цифра за 1811 г. (1 172 чел.) и что она означает. Ссылки на монографию А. Моора авторами этих статей тоже ограничены изложением ее гипотезы без приведения положенных в ее основу аргументов. Повторим, в обоих монографиях постулируется ничем не подтвержденное мнение о том, что русские Западного Причудья являются потомками раскольников, переселившихся сюда из-за гонений в России. Кроме того, содержание «Донесения» 1861 г. этой группе авторов известно с 2004 г., но ни в одной из их публикаций оно не обсуждается. Вывод очевиден: непосредственно занимающимися проблемами причудского старообрядчества важна не реальная причина его возникновения, а словесные подтверждения в публикациях разделяемого ими мнения.

Как отмечалось в начале статьи, после выхода монографии Е. Рихтер историю заселения русскими Западного Причудья не обсуждают, по существу, заменив ее исследование утверждением факта появления раскольников из России со ссылкой на монографии А. Моора и Е. Рихтер и приписывая все особенности русских западнопричудцев российским переселенцам-раскольникам, вплоть до особенностей языка (см., например: [Ровнова, Кюльмоя 2008: 280]) и фольклора [Морозова, Новиков 2007]. Замена термина «русский» на более привлекательный в настоящее время, но некорректный термин «старовер»¹ сути подхода Е. Рихтер не меняет, т.к. в основе остаются те же неверные положения.

Таким образом, в монографии Е. Рихтер также нет доказательств переселения заметных по численности групп раскольников на побережье, но присутствуют свидетельства, отрицающие это переселение. Допущенные «огрехи» при стремлении согласовать утвердившееся мнение с имеющимися данными могут показаться незначительными, но в конечном итоге история формирования русского населения на западном побережье и возникновение там беспоповского старообрядчества оказались на уровне предположений конца XIX в. Вследствие этого появляется опасность возрождения деления русского населения на «русских» (староверов), «русманав» (более поздних переселенцев) и «шшепотникав» (православных) — у некоторых старообрядцев такая тенденция уже прослеживается. История же русских Северного и Западного Причудья Эстонии как основных предков русских западного побережья укоротилась более чем на 200 лет.

¹ Термины «старовер» и «старообрядец» различают не только светские исследователи. В 1993 г. в Рязани в староверческой церкви отказались служить панихиду по причудской старообрядке-беспопевке из-за отсутствия у беспоповцев священства.

III. Формирование русского населения на западном берегу Чудского озера и возникновение старообрядчества

III.1. Причина заселения русскими и эстонцами западного побережья

Выявленные до выхода монографии Е. Рихтер факты свидетельствуют о том, что поначалу заселение русскими побережья происходило в основном из Прибалтики, причем до выхода на берег озера большая часть русских долгое время прожила среди эстонцев. При выяснении причины выхода русских на берег озера необходимо учесть два обстоятельства. Первое, что поначалу русские побережья были приписаны к православной церкви, поэтому причиной его заселения не являлось стремление раскольников сохранить устои своей веры. Второе, что в те же периоды происходило интенсивное заселение западного побережья и эстонцами. Следовательно, причину заселения русскими и эстонцами западного побережья в конце XVII и в третьей четверти XVIII в. следует искать в сложившейся ситуации на территории нынешней Эстонии. Она заключалась в следующем. Как отмечалось ранее, в 1638 г. основная часть русского населения жила в глубине Западного Причудья. В конце XVII в. произошло увеличение численности русских и эстонцев в прибрежной полосе. Оно было обусловлено тем, что в течение второй половины XVII в. население на территории нынешней Эстонии увеличилось почти в три раза [ЕЕ 2002: 245], в результате чего возник острый дефицит пахотных земель. Оказавшиеся без земли жители из внутренних волостей были вынуждены выходить в побережье, осваивая более скудные причудские земли и заселяя прибрежные деревни¹. Этот вывод сделан Г. Рянком на основе анализа ревизий и описания составленной шведами в конце XVII в. карты земельных участков [Ränk 1934: 24].

Такая же ситуация сложилась и во второй половине XVIII в. А именно, в конце XVII в. жители нынешней Эстонии пережили голодные годы, позже разразилась Северная война, за которой последовала чума. В результате к 1712 г. численность населения уменьшилась в 2,3 раза. В середине XVIII в. она опять достигла уровня конца XVII в. [ЕЕ 2002: 245]. С восстановлением численности жителей вновь возникла нехватка плодородных земель. С третьей четверти XVIII в. это привело не только к интенсивному заселению русскими и эстонцами более скудных прибрежных земель и прибрежных деревень,

¹ Увеличение плотности сельского населения вблизи берега озера стимулировало рынок сбыта труда рыбака и через него занятие рыболовством.

но и к переселению части жителей из внутренних волостей на восточный берег Чудского озера [Моора 1964: 102]¹.

Зачастую русские деревни западного побережья представляют как рыбацкие, и преобладание русских на побережье объясняют их умением ловить рыбу. На самом деле это не так: проживавшие с древних времен эстонские рыбаки прекрасно знали свою часть озера и были искусными рыбаками. Занятие же огородничеством считают лишь подспорьем рыболовству. Однако именно покрытые потом и кровью наших предков клочки земли под огороды, требовавшие громадных затрат ручного труда, в жаркие годы страдавшие от засухи и затапливавшиеся при подъеме воды в озере, определили преимущество русских в освоении этой прибрежной полосы: эстонцы поначалу огородничеством практически не занимались. Поэтому местные русские названия *баркан*, *калика*, *капуста*, *огурец* схожи с эстонскими (соответственно *põrkand*, *káalikas*, *kápsas*, *ógurits*, первые три сохраняются до сегодняшнего дня).

III.2. Расселение русских по территории нынешней Эстонии на начало XIX в.

Все перечисленные ранее факты заставили нас в конце прошлого века усомниться не только в том, что переселившиеся на западный берег из России раскольники были основными предками русских побережья, но и в том, что только раскольники являются предками старообрядческой части русских Причудья. Хотя, естественно, для распространения беспоповского старообрядчества необходимы были в первую очередь грамотные и почитаемые населением наставники. Для окончательного прояснения картины сложения русского населения на западном берегу Чудского озера и возникновения беспоповского старообрядчества необходимо было знать расселение русских по волостям нынешней Эстонии до их выхода на берег озера, что позволило бы дополнить и уточнить данные А. Моора и других исследователей.

Наиболее просто представление о расселении русских по территории Эстляндии и эстонской части Лифляндии в близкий к их выходу на берег период можно получить из распределения русских фамилий и прозвищ по спискам прихожан лютеранских приходов. Занесение русских фамилий в указанные списки было обусловлено тем, что и после официально разрешенного с 20-х гг. XVIII в. православия сельские православные, как и лютеране, обязаны были платить налог в казну

¹ Переселение небольших групп эстов на восточный берег происходило и в более ранние века — см., например: [Хвощинская 1977: 118–120].

лютеранской церкви¹. А поскольку лютеранские приходы выполняли и административные функции, с начала XIX в. присваиваемые всем жителям нынешней Эстонии фамилии заносились в списки этих приходов. Простота такого подхода обеспечивалась созданием в 1999 г. сайта «Onomastika Net»², на котором помимо прочего размещены списки фамилий в лютеранских приходах с указанием волости прописки. На сайте под одной фамилией фигурируют все родственники или однофамильцы, проживавшие в данной волости прихода.

Распределение русских фамилий и прозвищ на начало XIX в. по волостям приходов представлено на карте 2 мелкими красными крестиками, границы приходов нанесены тонкими черными линиями, жирной красной линией выделен Дерптский (Тартуский) уезд. Для лучшей ориентации на карте даны названия некоторых поселений нынешней Эстонии и преимущественно русских деревень западного берега Чудского озера. При рассмотрении карты можно удостовериться, что основное сельское русское население было сосредоточено в Северном и Западном Причудье. В Северном Причудье (Эстляндия) русские фамилии были сосредоточены в Принаровье (отмечено цифрами 2–2, около 200 фамилий) и в области поселка Ийзаку (Iisaku, отмечена цифрами 3–3, около 360 фамилий). В этих областях русские проживали уже во времена Ливонской войны (1558–1581 гг.) [Liiv 1928: 21–27].

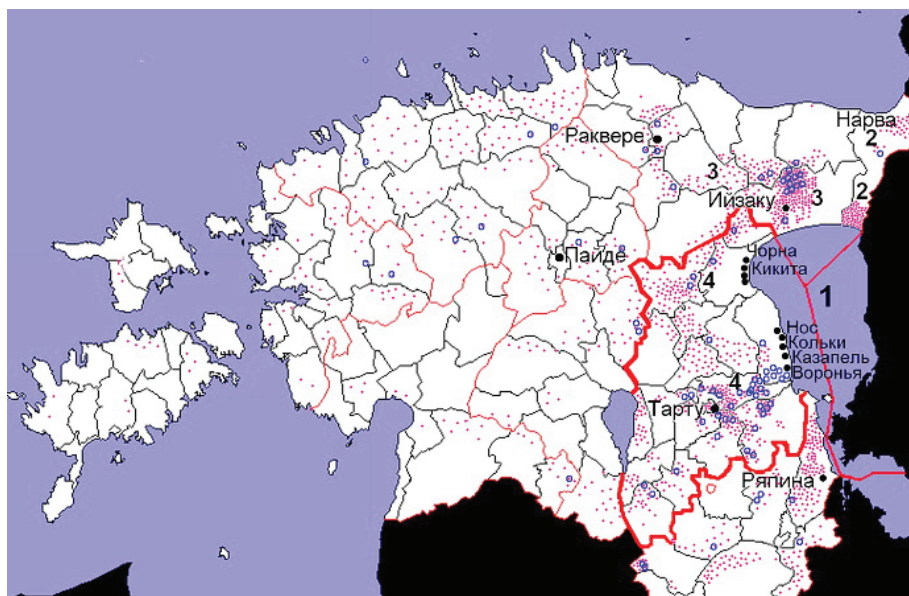
В близком к Причудью уезде Верро (ныне Выру) Лифляндии зафиксировано около 250 русских и русифицированных³ фамилий, из них 25 русских и 91 русифицированная фамилия — в Ряпинаском приходе, расположенном в непосредственной близости к западному побережью Чудского озера. В Дерптском (Тартуском) уезде Лифляндии более 500 русских фамилий были распределены небольшими группами практически в тех же местах, что и в 1638 г.⁴ Например, в упоминаемых ранее лютеранских приходах Торма (эст. *Torma*) и Лайусе (*Laiuse*) вблизи деревни Чорна (*Mustvee*) в 1646 г. числилось не менее 62 русских семей, в тех же приходах в списках сайта «Ономастика»

¹ В Публикате Консистории 1738 г. говорится, что исходя из решения Сената 1723 г. по введенному в шведское время порядку церковный налог уплачивается всеми проживающими на земле независимо от того, являются ли они русскими православными либо эстонцами-лютеранами. За его уплату отвечает владелец мызы [Andresen 2008: 135]. Указы Сената о статусе православных вступили в силу после 1755 г. [Там же].

² База данных составлена А. Мустом (Aadu Must), программное обеспечение — М. Краавом (Mihkel Kraav) <<http://www.history.ee/ono/>>.

³ Русифицированные фамилии — это эстонские с русским суффиксом *-ов*: *Masikow*, *Surtmow*, *Tolmow* и под. (Землянкин, Смертнов, Пылев).

⁴ В 1638 г. границы Тартуского лена несколько отличались от границ Тартуского уезда начала XIX в.

Карта 2. Распределение русских фамилий (красные крестики) по лютеранским приходам на начало XIX в. по территории современной Эстонии. Синими кружками отмечено расселение предков старообрядцев деревни Воронья до их выхода на берег озера. Границы лютеранских приходов изображены черными тонкими линиями, красными тонкими — границы земель, жирной красной линией выделен Тартуский уезд. Цифрами обозначены: 1 — Чудское озеро, 2–2 — Принаровье, 3–3 — область расселения ийзакусских полуверцев (Северное Причудье), 4–4 — Западное Причудье с нанесенными названиями некоторых деревень.

содержится 103 русские фамилии, тогда как численность жителей на территории современной Эстонии за этот период возросла почти в три раза [ЕЕ 2002: 245]. По сравнению с 1638 г. к концу XVIII в. русские и эстонские прибрежные деревни преобразовались в многодворные, но русские и эстонцы еще были прописаны в волостях [Моога 1964: 94–97]. Заметим, что в 1638 г. в Тартуском лене русские семьи составляли 17 % относительно эстонских, доля русских фамилий в списках «Ономастики» по Дерптскому уезду составила 6 %, т.е. доля русских фамилий уменьшилась почти в три раза. Тем не менее во внутренних волостях нынешней Эстонии число русских фамилий достигало 1 500, но нет никаких документальных свидетельств о заметной доле среди них переселившихся из России раскольников.

III.3. Фамилии старообрядцев в списках лютеранских приходов

При первом знакомстве со списками фамилий в лютеранских приходах выявилось следующее. Один из соавторов данной

статьи лютеранин, предки которого происходят из Принаровья и упоминаются в документах XVII в., поэтому нахождение фамилии его предка в списках казалось вполне естественным. Второй из соавторов является старообрядцем из Западного Причудья, тем не менее фамилии практически всех его прямых и близких родственников содержатся в списках «Ономастики». Более того, среди русских фамилий в лютеранских списках обнаружилось много известных нам фамилий причудских православных и старообрядцев¹. Поскольку мнение об основной роли раскольников в заселении русскими западного побережья разделяется большинством исследователей, то в первую очередь предстояло выяснить, какая часть фамилий старообрядцев Причудья середины XIX в. содержится в лютеранских списках. Это давало возможность определить, в каких волостях нынешней Эстонии проживали прямые родственники будущих старообрядцев и какую долю они составляли в старообрядческом населении перечисленных в начале статьи деревень.

Сопоставление фамилий из лютеранских и старообрядческих списков оказалось возможным после того, как в Тартуском архиве Е.А. Агеевой было обнаружено несколько списков фамилий старообрядцев середины XIX в. Наиболее полный — «Именной список раскольников, жительствующих на мызах Дерптского уезда, приписанных к городским обществам за 1855 г.» [ЕАА. F. 291. Nim. 8. S. 1650. Lk. 121–169] — опубликован [Список 1855]. В нем помимо фамилий указан возраст старообрядцев, нерусские фамилии составляют около 10 %. «Список» прерван на перечислении старообрядцев деревни Чорна (эст. Mustvee), поэтому в нем представлены 428 различающихся² фамилий 3 278 старообрядцев вместо 3 700 (см. сноску 4 на с. 115)³. Следовательно, в «Списке» отсутствуют сведения приблизительно о 420-ти старообрядцах или о 60-ти фамилиях. В отличие от списков «Ономастики» в списке старообрядцев 1855 г. указаны не волости прописки, а названия городов, к которым старообрядцы приписывались после 1820 г.

¹ В лютеранских списках присутствует еще немало прозвищ, а фамилия представляется именем отца. Несомненно, часть прозвищ позже преобразовалась в фамилии (Korotka — *Коротков*, Kutka — *Куткин*, Ponder — *Бондырев*, Skarahot — *Скороходов* и т.д.). В ряде фамилий старообрядцев сохранено немецкое написание: *Барिशник* — *Barischnik*, *Крилов* — *Krīlow*, *Krīlo*, *Тильников* — *Tilnikow* [Список 1855; ЕАА. F. 291. Nim. 8. S. 1650. Lk. 121–169].

² На сайте «Ономастика» одинаковые фамилии в волости представлены одной фамилией. Поэтому для сопоставления мы и в списке старообрядцев выделили только те одинаковые фамилии, которые приписаны к разным местам. Например, Кузнецовы, приписанные к Верро, Пайде, Балтийскому Порту или прописанные в волости Каваст уезда Тарту, — разные, но все Кузнецовы волости Каваст — одинаковые.

³ Наиболее вероятно, список прерван потому, что в середине XIX в. к единоверческой церкви иногда приписывалось до 500 старообрядцев деревни Чорна [Дубьева 2008: 567–568].

(т.е. платили налог горожанина городу, но жили на берегу озера)¹.

Аналогичный список с меньшим числом старообрядцев рассматривала Е. Рихтер. Она полагала, что многие из бежавших на западное побережье русских не имели паспортов, поэтому «заботились в первую очередь о том, как бы приписаться к какому-либо городу, поскольку десятникам и сотникам вменялось в обязанность строго проверять у вновь прибывших вид на жительство — “плакатные пашпарта”» [Рихтер 1976: 22–23]. Однако, как мы отмечали ранее, приписка к городам началась после того, как русское население побережья было сформировано и завершилось разделение причудских русских на старообрядцев и «другой» веры. Е. Рихтер исключила время прописки в волостях из обсуждения и писала о более позднем времени, когда в прибрежные деревни переселялись лишь десятки человек.

Прояснить детали приписки к городам можно по результатам сопоставления фамилий из «Списка» 1855 г. и лютеранских списков «Ономастики». В первой колонке таблицы 1 приведены названия городов приписки старообрядцев в 1855 г., во второй — число старообрядцев, приписанных к указанным городам, в третьей — число фамилий приписанных к городам старообрядцев², в четвертой колонке приводится число фамилий старообрядцев из списка 1855 г., обнаруженных нами в списках лютеранских приходов и отнесенных к городам, ближайшим к указанным волостям.

Из сравнения приведенных в колонках 4 и 5 чисел следует, что, как правило, приписанные к Дерпту (ныне Тарту) фамилии старообрядцев в лютеранских списках прописаны в волостях Дерптского (Тартуского) уезда. Подавляющее число приписанных к Вейсенштейну (Пайде) и Везенбергу (Раквере) старообрядческих фамилий в лютеранских списках были прописаны в ближайших к этим городам и в северо-восточных волостях Эстляндии³. Исходя из этого есть все основания полагать, что число приписанных к городам фамилий русских в первую очередь определялось числом русских, проживавших в волостях, ближайших к этим городам, а наличие в городе

¹ Волость в какой-то мере несла ответственность за трудоустройство, но не обеспечивала правом передвижения по губернии. Город же обязательств трудоустройства перед горожанином не имел, но выдаваемый городом «плакатный пашпорт» давал возможность передвигаться по губерниям в поисках работы.

² Дети приписывались к городу приписки отца, родившиеся без отца — к городу приписки матери.

³ Статус города в этой области имели Везенберг (Раквере), Вейсенштейн (Пайде) и Нарва, но последняя относилась к Петербургской губернии.

Таблица 1. Число старообрядцев (колонка 3) и их фамилий (колонка 4) в «Именном списке раскольников» [Список 1855; ЕАА. F. 291. Nim. 8. S. 1650. Lk. 121–169], приписанных к указанным уездам и городам (колонка 2). В колонке 5 приведено число фамилий старообрядцев, обнаруженных в волостных списках лютеранских приходов, ближайших к указанным городам. Для деревни Воронья приведены число фамилий в старообрядческой книге регистраций 1833–1836 гг. (колонка 6) и число их фамилий, обнаруженных в списках лютеранских приходов (колонка 7, см. подробнее в Приложении 1).

1	Губерния	Уезд, город приписки с указанием нынешнего названия	Список 1855		Воронья		
			Число старообрядцев	Число фамилий старообрядцев	Число фамилий старообрядцев в лютеранских списках	Число фамилий старообрядцев в 1833 г. Число фамилий старообрядцев в лютеранских списках	
1		2	3	4	5	6	7
Эстляндия	Северная Эстония	Вейсенштейн (Paide)	752	98	76	22	20
		Везенберг (Rakvere)	148	16	8		
		Балтийский Порт (Paldiski)	72	10			
		Гапсаль (Haapsalu)	39	4	1		
		Ревель (Tallinn)	55	7			
Лифляндия	Южная Эстония	Дерпт (Tartu)	1 091	158	129	35	34
		Феллин (Viljandi)	267	31	17	2	1
		Верро (Võru)	309	34	24	4	3
		Валк (Valga)	148	17	7	6	3
	Северная Латвия	Вольмар (Valmiera)	116	15	1	4	
		Лемзаль (Limbaži)	67	9		4	
		Венден (Cēsis)	98	12		2	
		Рига (Rīga)	32	4		2	
		Фридрихштадт (Jaunjelgava)	6	1		1	
		Шлок (Sloka)	31	3		1	
		Митава (Jelgava)	12	3			
		Псков/Гдов	17/18	5			
Общее число			3 278	428	263	83	62
Процент старообрядческих фамилий в списках лютеранских приходов					61 %		74 %

старообрядческой общины и паспорта губернского города не играло существенной роли¹.

Отсутствие в лютеранских списках фамилий прямых родственников старообрядцев, приписанных к Балтийскому Порту (эст. Paldiski), может быть связано с тем, что по сведениям за 1737 г. [ПСЗ X: 46] туда было сослано на вечную каторгу несколько десятков раскольников. Не исключено, что указами Екатерины II их потомки были помилованы и получили право передвижения по губернии, о чем говорится в «Донесениях». Сопоставление фамилий старообрядцев, приписанных к северным латышским городам Лифляндии, не проведено из-за отсутствия у нас списков лютеранских приходов этой части Лифляндии. Некоторые фамилии, приписанные к латышским городам, фигурируют в лютеранских списках эстонских приходов, может быть потому, что известен факт миграции русских из латышской части Лифляндии в эстонскую часть и наоборот [Заварина 1969: 156]².

Нам удалось сопоставить более 60 % фамилий и около 70 % без учета приписанных к латышским городам (таблица 1). При этом наиболее полное сопоставление (около 75 %) удалось провести для городов приписки Дерпт (Тарту), Вейсеншейн (Пайде) и Верро (Выру), близких к местам давнего проживания русских. Кроме того, в списках «Ономастики» содержатся фамилии 12 известных нам старообрядцев деревни Чорна (Borisow, Ganin, Garschanow, Kroch, Kulkow, Maspanow, Murnik, Selisnow и др.) и 18 фамилий старообрядцев других деревень (Iljin, Korotka, Lepajew, Samulkin, Skarachot, Tukmatschow и др.), которых нет в списке 1855 г. Если отсутствие первых можно объяснить неполнотой списка 1855 г., то отсутствие вторых, несомненно, связано с их более поздним выходом в прибрежье и/или более поздним переходом в старообрядчество. Следует учесть, что на «Ономастике» содержится еще много фамилий и прозвищ фривольного характера (Дундук, Осел и под.), которые позже были изменены. Кроме того, например, одному пастору нравилось присваивать фамилии от названий городов и озер (Berlin, Roma, London, Jurjew, Ladoga, Ппен и под.), практически исчезнувшие. Тем не менее, нам удалось сопоставить более 2/3 фамилий прямых родственников старообрядцев прибрежных деревень. Это означает, что основная часть предков причудских старообрядцев до выхода

¹ Е. Рихтер объясняет большое количество старообрядцев, приписанных к Дерпту (Тарту), содействием Тартуской старообрядческой общины [Рихтер 1976: 24]. Объяснение неверное: по ее собственным и нашим данным большое число старообрядцев было приписано и к Вейсенштейну (Пайде), где старообрядческой общины не было.

² Напомним, что современные Северная Латвия и Южная Эстония входили в Лифляндскую губернию.

в прибрежные деревни, действительно, находилась во внутренних волостях нынешней Эстонии. Для этой части старообрядцев известно название волости, из которой их предок переселился на берег озера: для выяснения своих корней жителями Эстонии и создан сайт “Onomastika Net”.

III.4. Фамилии старообрядцев деревни Воронья с указанием волостей проживания их предков

Для представления ситуации с фамилиями и регистрацией в первой половине XIX в. целесообразно обсудить списки фамилий старообрядцев деревни Воронья. Они примечательны тем, что в Тартуском архиве З.И. Куткина обнаружила книгу регистрации прихожан воронейской моленны 1833 г., весьма вероятно, старейшую старообрядческую в Причудье [ЕАА. F. 1384. Nim. 1. S. 8]. Ее особенность в том, что регистрация данных производилась в ней в основном по устным сообщениям прихожан. Список фамилий с местом регистрации в книге представлен в Приложении 1, приведенном в конце статьи. Из записей, например, следует, что в этот период в деревне наряду с акающим говором сохранялся и окающий (*Авдотья* и *Овдотья*, *Антон* и *Онтон*, *Онисим*); нет еще встречающихся в конце XIX в. и позже старообрядческих имен типа *Евлампий*, *Калистрат*, *Ферапонт* и под. [М.Н.С. 1896: 618]. Есть следы отсутствия второй палатазации (*месяц — месик*, *Цесис — Кесь*), вместо «сожительница» списка 1855 г. в 1833 г. указано «жена». Кроме того, в списке указаны местные русские названия городов и поселений, а не официальные. В большинстве своем они произведены от древних эстских и латышских. Так, город Пайде официально назывался Вейсенштейн, но прихожане называли себя «пайдаскай, (из) Пайды»; город Вильянди — Феллин, но прихожане — «вилянскаяй», лишь один назвался «филинскаяй». Город Валк называли Валак; Вольмар (Валмиера) — Валмер; Лемзаль (Лимбажи) — Мемзель; Венден (Цесис) — Кесь; Гдов — Вдов, Авдóв. Кроме того, по другим источникам, город Везенберг (ныне Раквере) называли Ракаверь или Ракополь, Пыльтсама — Польцев, реку Емайыги Амовжой или Большой рекой. Эти названия сохранялись до середины прошлого века. В статье [М.Н.С. 1896: 625] они отнесены к средневековым летописным, использовались во времена Ивана Грозного.

Из сопоставления списков старообрядцев деревни Воронья 1833 и 1855 гг. (см. Приложение 1) следует, что церковная книга велась до 1836 г.: самым младшим детям, записанным в книгу прихожан, в 1855 г. было 19 лет (Приложение 1, поз. 31, 45). В 1833 г. еще не завершилось приписывание к городам:

в списке 1833 г. в волости Каваст Тартуского уезда прописано 12 фамилий, в 1855 г. — ни одной. Семья Рятцепа в 1833 г. была прописана в волости Тартуского уезда (там же, поз. 3), в 1855 г. отец и сын оказались приписанными к латышскому городу Вольмар под фамилией Рятиповы. Весьма вероятно, что после 1833 г. семья переехала в Северную Латвию, нашла там работу и приписалась к Вольмару, но к 1855 г. отец и один из сыновей вернулись. Факт миграции из побережья демонстрирует и семья Саянкиных (там же, поз. 6). Из сравнения списков 1833 и 1855 гг. следует, что в этот период еще устанавливались фамилии, часть из них удалось сопоставить только благодаря наличию в списках перечня членов семьи. Последнее могло быть связано и с тем, что до середины прошлого века в деревнях были широко распространены прозвища вместо фамилий, некоторые из них были давними и их происхождение забылось.

В Приложении 1 приведен в качестве примера полный состав только первой семьи из книги регистрации 1833 г. — Сарвинных, для других — только те члены семей, указание которых способствовало сопоставлению фамилий. В церковном списке деревни Воронья 1833 г. содержится 82 фамилии, часть из них — прозвища, 10 % — нерусские. Из 82 фамилий в списках лютеранских приходов обнаружено 45, еще 16 можно сопоставить по имени отца и месту прописки. Некоторые имена отцов без суффикса *-ов* выступают в роли фамилий (*Anton Samul* — Приложение 1, поз. 8; *Kril Iwwan* — там же, поз. 19; *Feodor Gawrilla* — там же, поз. 20)¹. В «Списке» 1855 г. появляется 12 новых фамилий, из которых 9 встречаются в списках лютеранских приходов (см. Приложение 1). Кроме того, в лютеранских списках содержатся фамилии известных нам пяти старообрядцев деревни Воронья, отсутствовавшие в списках 1833 и 1855 гг. (Приложение 1, поз. 94–99). Таким образом, в Приложении 1 приведены сведения о 99 семьях старообрядцев, из них 69 сопоставимы по фамилиям и прозвищу, 10 — по имени отца и волости прописки в списках лютеранских приходов. 20 фамилий оказались несопоставленными, основная часть их (14) приписана к латышским городам (см. также данные в колонках 6 и 7 табл. 1).

Если вычесть фамилии, приписанные к латышским городам, то, благодаря списку 1833 г., в лютеранских списках удастся сопоставить почти все фамилии или прозвища прямых родственников старообрядцев деревни Воронья. Для наглядности на карте 2 синими кружками обозначены волости, в которых обнаружены фамилии прямых родственников старообрядцев

¹ Сличение имен и фамилий старообрядцев непосредственно с церковными книгами лютеранских приходов производилось выборочно.

деревни Воронья. Можно удостовериться, что большое количество предков воронейских старообрядцев было зарегистрировано в волостях нынешней Эстонии, в которых по лютеранским спискам сосредотачивалась значительная часть русских фамилий. Эти области являются древнейшими местами обитания русских и обрусевшей води¹, но, подчеркнем, никаких документальных свидетельств о переселении туда раскольников нет. Как видно из данных, приводимых в таблице 1, распределение фамилий предков старообрядцев деревни Воронья и распределение фамилий из всего списка 1855 г. по городам приписки и волостям приписки сходные. Такая же картина распределения фамилий по волостям приписки наблюдается и в отношении предков старообрядцев деревни Красные Горы (эст. Kallaste), где численность русских выросла в более позднее время (конец XVIII — начало XIX в.). Отличие последней от других деревень в том, что из 10 фамилий Списка 1855 г., приписанных к Балтийскому Порту (эст. Paldiski), 9 оказались в Красных Горах. В других преимущественно старообрядческих деревнях² особой связи с припиской к определенному городу не просматривается, т.е. на выборе деревни проживания приписка не сказывалась.

III.5. Основные выводы

Первый. На основании практически полного списка фамилий старообрядцев 1855 г. уточнены данные А. Моора и «Донесений» о заселении русскими западного берега Чудского озера. Подтверждено, что заселение преимущественно старообрядческих деревень происходило в основном не непосредственно из России, а из волостей Эстляндии и Лифляндии. При этом нет документальных свидетельств того, что в этих волостях заметную по численности долю составляли раскольники, но есть свидетельства давнего проживания в них русских (знание эстонского языка, особенности русского говора и под.).

Второй. Выход в прибрежье эстонцев и русских был связан с нехваткой пахотных земель во внутренних волостях Эстляндии и эстонской части Лифляндии. Ни в конце XVII, ни в конце XVIII в. не было экономической основы для переселения значительных групп населения извне в сельскую местность территории Эстонии, в том числе и раскольников.

¹ Водь — финноугорское племя, близкое к северозстонцам. В Северном и Западном Причудье следы воды появляются с VI в. Основная ее часть входила в состав Новгородской земли (Вотская пяттина).

² Формирование населения православной деревни Нос (эст. Nina), старейшей чисто русской на западном берегу, будет обсуждено в отдельной статье.

Третий. Как правило, город приписки выходцев на берег озера определялся расположением волости прописки, но не влиял на выбор деревни проживания на берегу озера.

Четвертый. Начало резкого роста численности русских в прибрежье можно определить по тому, что в 1758 г. в основных старообрядческих деревнях Красные Горы, Большие и Малые Кольки и Казапель жило не более 80 русских, в 1782 — около 500. Поскольку поначалу русские были причислены к православной церкви, то не раньше 80-х гг. XVIII в. могло произойти разделение западнопричудцев на старообрядцев и «других», причем со времени надежных документированных свидетельств (1820 г.) численность старообрядцев практически равнялась численности русских других вероисповеданий. Выход предков старообрядцев происходил из волостей нынешней Эстонии, где немалое число русских продолжало сохранять элементы дониконовского православия. Поэтому в среде переселенцев могло развиваться как никонианское православие, чему способствовала приписка к православной церкви, так и разные старообрядческие толки, о которых говорится в «Донесениях» и в статье Бертрама [Bertram 1868: 87]. Кроме того, в течение XIX и начала XX в. происходило постепенное превращение основных старообрядческих деревень Причудья Красные Горы, Большие и Малые Кольки и Казапель, в которых в середине XIX в. треть населения составляли не старообрядцы (см. сноску 3 на с. 117), в чисто старообрядческие. Только к концу XIX в. численность старообрядцев на западном прибрежье оказалась несколько выше численности русских иного вероисповедования (см. сноску 1 на с. 122) без существенного притока русских из России. Эти факты говорят о распространении беспоповского старообрядчества среди проживавшего там населения, а не о переселении раскольников.

Пятый. Становится понятным отсутствие свидетельств о переселении значительных групп раскольников из России или из внутренних волостей нынешней Эстонии на западный берег Чудского озера в материалах Канцелярии генерал-губернатора, у А. Моора и Е. Рихтер. Все известные нам данные согласуются с сообщением «Донесений»¹ в том, что старообрядчество распространялось среди русского населения прибрежья относительно небольшим числом раскольников и наставников беспоповского толка. В этом случае получает естественное объяснение распространенность старообрядчества только по западному берегу и отсутствие заметных по численности

¹ В «Донесениях» полагается, что раскольники, беглые, преступники и пр. селились в прибрежье. Данные ревизий и списки лютеранских приходов говорят о том, что основная часть русских вышла на берег из внутренних волостей нынешней Эстонии.

старообрядческих групп в областях, из которых вышло основное число прямых родственников старообрядцев побережья. Беспочвенными оказываются рассуждения Е. Рихтер о путях переселения раскольников из России на западное побережье. Неверно и ее рассуждение о роли Ряпинаской мызы как одного из путей, по которому раскольники прибывали на западный берег [Рихтер 1976: 16–17]. Действительно, по списку «Ономастики» в Ряпинаском лютеранском приходе насчитывалось 91 русифицированная и 25 русских фамилий. Несмотря на близость прихода к Западному Причудью, только одну фамилию (*Bulkin*) из этого списка можно найти в списке старообрядцев 1855 г. В документах о русских Ряпинаской мызы после 1730 г. не содержится отметки «раскольник», нет жалоб на раскольников православного священника Ряпинаской церкви, построенной в 1752 г. для присланных на бумажную фабрику рабочих из России. Примечательно, что в 1750-х гг. поп этой церкви начал тяжбу с пастором кирхи за приписанные к лютеранскому приходу «русские души», т.е. за прихожан с русскими и русифицированными фамилиями, а не с раскольниками, которых и по документам не было. Отказ попу Духовная консистория Лифляндии (весьма знаменательно!) обосновала следующим образом: если всех, побывавших в России и пользовавшихся там духовной помощью, отнести к православной церкви, то сколько же найдется в Лифляндии таких, религиозная принадлежность которых не вызывает сомнений? [Annist 1974: 237]. Тем не менее, ссылаясь на эту же работу, всех жителей мызы с русскими и русифицированными фамилиями Е. Рихтер представила как раскольников [Рихтер 1976: 17].

Шестой. Благодаря обстоятельной работе О. Лийва известно, что в Северном Причудье в районе Ийзаку (карта 2, область 3–3) предки русских компактно проживали уже во времена Ливонской войны (1558–1581 гг.) [Liiv 1928: 17–27]. Их называли сначала полуверниками, позже полуверцами, потому что, переходя в лютеранство с XVII в., они сохраняли элементы старого православия до середины XIX в. и тем самым находились как бы между двумя верами. По сообщению Ю. Трусмана, в конце XIX в. их численность составляла около 6 000 человек [Трусман 1895а: 6]¹. Но длительный запрет православия и верховенство лютеранской церкви не прошли бесследно. Так, на вопрос Бертрама [Bertram 1868: 88], почему они, русские района Ийзаку, остаются лютеранами и не переходят в православие, последовал ответ: «ахвоту нету»; но в кирхе почти через 300 лет после закрытия ближайшей православной церкви в Сыренце (эст. *Vasknarva*, Эстляндия, 1581 г.) они продолжали

¹ Бертрам оценил их численность в 1864 г. в 3 000 человек [Bertram 1868: 87].

размашисто «по-русски» креститься «пятию персты», а не «двумя персты», как раскольники, класть земные поклоны и при посещении православных храмов ставить свечи перед образами. У них была одна русская фамилия по рождению, другая — данная пастором и деревенское прозвище [Masing 1821: 11–14; Bertram 1868: 88]¹. В конце XIX в. уже немногие русские Ийзаку называли родным языком русский (258 чел. [Всеобщая перепись 1897, Эстляндия: 52]), хотя старшее поколение владело им еще во второй половине XX в. [Хейтер 1970: 3–5]².

Из-за господствующего мнения о русских западного побережья как о потомках переселившихся из России раскольников русские Северного и Западного Причудья рассматривались как два разных, не взаимодействовавших между собой образования. Сличение фамилий в списках старообрядцев и в списках лютеранских приходов показывает, что в деревнях западного побережья выходцы из латышской части Лифляндии, Западного и Северного Причудья перемешаны и порой между ними существовала родственная связь (см. также родословную в [Михайлов 2008: 250–251]), хотя в указанных областях проживания русских в конечном счете стали преобладать православие (Принаровье), лютеранство (район Ийзаку), а в прибрежье Западного Причудья — православие и старообрядчество.

IV. Распространение старообрядчества по западному побережью

IV.1. Религиозная ситуация в Эстляндии и Лифляндии во второй половине XVII в.

Таким образом, старообрядческое население западного побережья в третьей четверти XVIII в. формировалось в основном выходцами из внутренних волостей Эстляндии и Лифляндии, в первую очередь из волостей Северного и Западного Причудья. Следовательно основных предков западнопричудцев нужно искать среди русских, переселившихся на территорию нынешней Эстонии как в недалекие, так и в древние времена. В данной статье мы ограничимся обсуждением религиозной ситуации во второй половине XVII в., когда Лифляндия также отошла к Швеции и произошел раскол православной церкви. Как было показано ранее, оказалось неверным мнение о переселении большого числа раскольников в «шведский» период на западный берег Чудского озера. По-видимому, отсутствие заметных групп русских переселенцев на территории нынешней Эстонии было обусловлено не только экономической, но

¹ Из списков «Ономастики» мы выделили только русские фамилии полуверцев.

² Во второй половине XIX в. интенсивно переходили на эстонский язык и другие — шведы, поляки, латыши.

и сложившейся религиозной ситуацией, поскольку приписывание православных к лютеранской церкви не было пустой формальностью¹. Поэтому в условиях верховенства лютеранской церкви и запрета православия переселение православных или раскольников на территорию нынешней Эстонии², вероятно, не гарантировало им возможность сохранить свои религиозные устои. В подтверждение высказанного предположения можно привести следующее. По Столбовскому миру 1617 г. [ПСЗ I: 182] в Ингерманландии было разрешено православие и для исполнения православными духовных треб было запрещено попам уходить в Россию. Однако положение православных оказалось непростым: помимо ограничений разного рода они обязаны были платить пастору [Гиппинг 2003: 324–345; Шлыгина 2003]. Впервые в Прибалтике аналог нынешнего закона о языке был применен шведами: не знаешь по-русски «отче наш» — обязан перейти в лютеранство, не лютеранин — не имеешь права заниматься той или иной деятельностью. Православные бежали в Россию, хотя по пункту Столбовского мира о возврате перебежчиков там их не привечали: возвращали назад или сажали в тюрьму. Тем не менее бегство в Россию происходило целыми деревнями. В 1649 г. за не возвращенных шведам беглых Россия выплатила «190 тысяч рублей» [ПСЗ I: 174]. Бегство в Россию продолжалось и после раскола [Шлыгина 2003; Мусаев 2004: 12–23], хотя в православных церквях Ингерманландии по-прежнему шли службы по старым канонам³, а по распоряжению Карла XI в конце XVII в. раскольникам (Ruskolschen) было разрешено селиться там на пустовавших землях [Liiv 1928: 35]⁴. Но в сельской местности Эстляндии и Лифляндии православие было запрещено, не разрешалось и строительство православных церквей на русских купеческих дворах. К тому же в 1690 г. шведскими властями был выпущен специальный Публикат, запрещающий пересекать границу Эстляндии и Лифляндии лицам, не имевшим паспортов [Liiv 1928: 36]. Однако факты свидетельствуют, что небольшие группы двигались как в Эстляндию и Лифляндию, так и в Россию,

¹ Как мы сообщали ранее, пасторы и их помощники следили за причащающимися. Пропускавших причастие хоронили без отпевания, колокольного звона и за оградой кладбища.

² Город Нарва и ближайшее левобережье Принаровья относились к Ингерманландии, где православие было разрешено, а в действующих православных церквях оставались дораскольские священники. Сведения о том, что на Солдиной мызе под Нарвой проживали раскольники, не означают, что они переселились туда из России: в части Принаровья, прямо примыкавшей к России, старообрядцы не появились. Поэтому сведения о них не являются доказательством переселения в Северную Эстонию из России, как иногда полагают [Пономарева, Шор 2006: 11].

³ Лишь в 1681 г. Собор постановил рукополагать священников с правом служения в зарубежных приходах [Соловьев 1991: 236].

⁴ В книге [Мизун, Мизун 2002: 231] сообщается о переселении в XVII в. раскольников в Ингерманландию и на западный берег Чудского озера, но никаких количественных данных не приводится.

руководствуясь социальными мотивами и не абсолютизируя свою религиозную принадлежность. Находясь в России, они следовали канонам православия, находясь в Эстонии — канонам лютеранства. И это вызывает дополнительные трудности при определении кто есть кто: например, кем является Andrei Silta, умевший молиться только по-русски, а не по-эстонски [Kõpp 1937: 126].

Иногда высказывается мнение о том, что непосредственно после раскола старообрядчество начало распространяться в Эстляндии и эстонской части Лифляндии благодаря деятельности старообрядческих проповедников среди проживавшего там русского населения. В Тартуском и Выруском уездах русские были расселены небольшими группами, поэтому о появлении среди них проповедников-раскольников нам неизвестно. Однако в районе Ийзаку (карта 2, область 3–3) русские жили компактно. По сообщению О. Лийва, там появлялись старообрядческие проповедники, но их деятельность особого успеха не имела [Liiv 1928: 36]. По поводу понимания староверия эстонскими учеными любопытна полемика О. Лийва с пастором лютеранского прихода Ийзаку [Liiv 1928: 31]. Поскольку предки ийзакуских полуверцев жили в Эстляндии задолго до раскола, то О. Лийв не соглашается с пастором в том, что их предки были староверами: по его разумению староверы — только те русские, которые переселились после раскола. В оправдание пастора следует заметить, что последний высказал суть православной веры предков полуверцев, сохранявших долгое время элементы дониконовского православия. А это в свою очередь говорит о том, что с начала раскола православной церкви в России и до начала XIX в. на территории «шведских» владений в Прибалтике во избежание путаницы необходимо различать термины «старовер», т.е. и после раскола продолжавший следовать канонам дониконовской веры (в основном в Ингерманландии с городом Нарва, где православие было разрешено), «полуверец», т.е. в рамках лютеранской церкви продолжавший сохранять элементы дониконовского православия, «старообрядец», т.е. сохранявший старый обряд, но не соблюдавший по разным причинам (обоснованным проповедниками этих толков) всех канонов старой веры, и «раскольник», житель России, отвергнувший реформы Никона и позднее переселившийся в Прибалтику.

IV.2. Распространение старообрядчества по западному побережью в XVIII в.

Обычно в доказательство переселения больших групп раскольников в южную часть нынешней Эстонии приводится переселение федосеевской общины в окрестности Ряпина в 1710 г.

Однако это не корректно. Дело в том, что община переселилась не тайно, а с разрешения А.Д. Меншикова в военное время, когда гражданские законы не действовали. После заключения мира последовали решения Консистории, по которым сельские жители любого вероисповедания были обязаны платить церковный налог в лютеранский приход (см. сноску 1 на с. 131). Позже последовали и другие ограничения, возникшие из особого порядка в Лифляндии и Эстляндии, в первую очередь отсутствия потребности в дополнительных рабочих руках. Вряд ли можно с уверенностью утверждать, что в этих условиях раскольники федосеевской общины пожелали бы поселиться в Лифляндии. Некорректно ссылаться и на «Краткую летопись Кикитовской общины в Причудском крае» [Малышев 1929: 27]¹ как на свидетельство распространения старообрядчества по Причудью. В «Летописи» говорится, что «в 1740 г.² бежавшими сюда новгородским купцом Никитиным и одним из московских бояр Морозовых был выстроен храм. Ими же сюда были привезены богослужебные книги, четыре колокола и необходимая церковная утварь <...> Купец Никитин был первым основателем дер. Кикита. Последняя до заселения ее эстами называлась “Никитовкой” <...> Дальнейшая история общины вплоть до 1812 г., к сожалению, неизвестна». При ознакомлении с содержанием «Летописи» сразу же возникает ряд вопросов. Во-первых, род Морозовых прервался до воцарения Петра I, то есть задолго до 1740 г. [Род бояр Морозовых]. Во-вторых, эстонская деревня Кикита (Kikiuta) существовала уже в 1599 г. [Pall 1969: 106], обрусела во второй половине XVIII в. [Mooga 1964: 93], в 1758 г. православных имен в ней нет. В-третьих, на карте Меллина [Mellin 1796] нанесены полуразрушенная древняя православная церковь на острове Межа-Piirissaag и построенная в 1752 г. православная церковь (Russische Kapelle) в Ряпине, но моленная в Киките с 4 колоколами [Малышев 1929: 27, рисунок; Пономарева, Шор 2006: 85] не помечена, как, впрочем, и другие старообрядческие моленные. Не упоминается она и в статьях А.В. Хупеля. Более того, в цитированном ранее «Донесении» 1821 г. говорится о том, что моленная деревни Воронья «отличается от прочих тем, что <...> имеет колокольню, которая построена за 9 или 10 лет пред сим». Это означает, что в начале XIX в. моленная в Киките колокольни не имела. К тому же в документе 1837 г. (см. сноску 2) указана более поздняя дата ее построения (около 1760 г.), но явно тоже неверная. Наиболее вероятно, моленная построена в 1780-х гг.

¹ Фамилии Малышев в лютеранских списках нет, нет ее и в списке старообрядцев 1855 г.

² В прошении старообрядцев 1837 г. [Дубьева 2008: 548] говорится, что моленная была построена около 80 лет назад, т.е. позже 1757 г.

По поводу основания деревни Красные Горы (эст. Kallaste) высказаны две версии. Исходя из данных ревизий, А. Моора заключила, что деревню основали русские, поселившиеся здесь в XVII в. [Моора 1964: 98]. Однако в справочнике «Староверы Эстонии» [Пономарева, Шор 2006: 91] утверждается, что ее основали старообрядцы федосеевского согласия в XVIII в. Наиболее вероятно, что и в этом случае положена в основу давно известная причудцам легенда о старообрядцах-федосеевцах как об основателях деревни. Для выяснения причины распространения беспоповского старообрядчества в деревне важно не то, были ли ее первые русские жители раскольниками, а то, что в 1758 г. в районе деревни жило не более 30 русских (4 семьи); основной рост численности произошел в конце XVIII — начале XIX в., несомненно, за счет переселенцев извне. Как отмечалось ранее, большая часть фамилий предков красногорских старообрядцев тоже содержится в списках лютеранских приходо-дов; разумных причин их отнесения к раскольникам до выхода на берег озера нет, не считая 9 семей, приписанных к Балтийскому Порту (эст. Paldiski). К тому же деревня стала чисто старообрядческой не с момента ее образования¹. Так что документальные сведения указывают на распространение старообрядчества среди формировавшего эту деревню населения, а не на интенсивное переселение раскольников из России.

Все имеющиеся документы свидетельствуют о том, что старообрядчество распространилось по западному побережью не раньше 80-х гг. XVIII в. Раньше этого времени в побережье не могло начаться и строительство старообрядческих моленных просто потому, что в русских деревнях не было достаточного количества жителей, даже если бы все жители были старообрядцами. Отсутствие моленных, повторим, подтверждается тем, что в более ранних источниках, включая [Hupel 1782: 234], на западном берегу отмечены только русское кладбище и православная часовенка в деревне Нос. Подчеркнем, что за переселенцами следили и власти, и землевладельцы, и помощники пастора, а по одежде любой случайный встречный узнавал русского издалека. К тому же на побережье были выделены места для сезонного лова рыбы деревням, находившимися в отдалении от озера, а с IX в. вдоль его берега проходил основной транспортный путь. Поэтому факты более раннего переселения даже небольших групп русских из России на берег озера, несомненно, были бы документально зафиксированы.

Наша цель не в дискуссии по этому вопросу — нас интересует история сложения русского населения на западном побережье

¹ По «Списку» 1855 г. в деревне было 697 старообрядцев, всего же русских в 1851 г. было около тысячи.

как часть истории Причудья Эстонии. Для этого нам необходимо было в первую очередь выяснить, откуда появились и кем были основные предки старообрядцев прибрежных деревень. По всем нам известным документам старообрядцы не были преобладающим большинством на побережье, а раскол православной церкви не был причиной заселения предками русских, православных и старообрядцев, западного берега Чудского озера, как и Принаровья (область 2–2 на карте 2), и района Ийзаку (область 3–3), и Западного Причудья. Однако удалось выяснить нечто большее. Стало ясно, что нельзя, как это продолжается до настоящего времени, русских Причудья Эстонии делить по религиозному признаку и рассматривать как разные образования, тем более старообрядцев и православных Западного Причудья, единых по корням, в ряде случаев связанных кровными узами, по особенностям языка, быта и различающихся только по некоторым обрядам и обусловленным ими запретам.

V. Предки русских прибрежных деревень Западного Причудья

Из имеющихся документов следует, что основными предками русских западного побережья были русские, проживавшие в волостях Северного и Западного Причудья. Обсуждение ситуации в области деревни Чорна (Mustvee) показало, что до раскола православной церкви в России вблизи деревни проживало значительное число русских семей, которые, несомненно, приняли участие в формировании населения прибрежных деревень. Вклад эстонцев в формирование русских побережья был немалый уже потому, что о нем упоминается в четырех источниках конца XVIII — начала XIX в. Из-за перемешивания населения на протяжении столетий вряд ли возможно теперь дать какие-либо оценки, так как имена не всегда отражали национальность, а продекларированные во второй половине XVIII в. указы о смешанных браках лютеран и православных не выполнялись. Но есть свидетельства того, что в формировании русского и эстонского населения Причудья участвовали представители води (см. сноску 1 на с. 139), часть которой в первой половине II тысячелетия восприняла многое из русской культуры, перешла на русский язык и в православие, но длительное время сохраняла водские, для нас не отличимые от эстских, имена (см. обзор и ссылки в [Рябинин 1997: 16–28; Трусман 1895б: 55–86]). Следы води эстонские археологи и филологи видят в курганных захоронениях XII–XIV вв. со словено-водскими предметами в Северном и Западном Причудье, включая височные кольца словен новгородских, в древних русских названиях некоторых поселений и в особенном западнопричудском эстонском наречии.

О проживавших издавна русских и русскоязычной води, т.е. о дораскольных русских, можно кое-что сказать. Во-первых, некоторые русские названия поселений, как на берегу озера, так и внутри Западного Причудья, сохранились с самых ранних документов (см. карту 1 и сноску 2 на с. 113). Во-вторых, три из четырех речушек Западного Причудья названы в документах конца XVI в. по особенностям в их устьях. Так, речка и деревня *Omuth* (ныне *Omedu*) названы по омуту¹ в устье речки, речка *Rotzjõggi* (ныне *Alatskivi jõgi*) и деревня *Rotzu* (ныне *Rootsiküla*) — по рочам, временным постройкам русских рыбаков в устье этой речки [Pall 1969: 208; Савихин, Kasikov 2005: 181], речка *Kosajõggi* (ныне *Koosa jõgi* и *Kargaja jõgi*) и деревня *Kosa* — по косе в устье этой речки (нынешнее написание *Koosa* указывает на заимствование из русского языка) [Mellin 1796]. Четвертая речка и местечко Чорна (эст. *Mustvee*) в 1599 г. имели русские и эстские названия (*Mostfersch alias Czarny*), но в 1493 г. местечко было известно только под эстонским названием *Mustut* [Livländische GU 1908: 573]. В древние времена (XI—XIII вв.) по ним и реке Амовже (эст. *Emajõgi*) в Западное Причудье ввозилась новгородско-псковская гончарная керамика [Тваурі 2005: 40], ее следы найдены в разных местах Западного Причудья. В-третьих, русские Причудья сохраняли русские средневековые названия поселений вплоть до середины прошлого века, многие из них были производными от древних эстских (*Ракаверь-Ракополь*, *Пайда*, *Польцев* (эст. *Põltsamaa*) и под.) и латышских (*Кесь*, *Валмер* и под.), а не от официальных названий до второй половины XIX вв. В-четвертых, как было ранее сказано, в языке западнопричудцев выявлены архаизмы. Они, естественно, были и у ийзакусских полуверцев [Хейтер 1970]. В наших более ранних статьях [Савихин, Kasikov 2005: 164; Савихин, Kasikov, Васильченко 2007] показано, что из 2 500 региональных слов, употреблявшихся западнопричудцами, до 90 % распространены в новгородских и псковских землях в границах XV в., причем в языке старшего поколения русских Северного и Западного Причудья середины XX в. присутствовало до 40 % региональных слов из северных земель Новгорода Великого, где сохранялись следы древненовгородского диалекта. В языке старообрядцев Латвии и Литвы эти слова составляли лишь несколько процентов. Особенности русского языка полувертников-полуверцев района Ийзаку в большинстве случаев совпадали с западнопричудскими. Кроме того, из данных ревизий следует, что переселение значительной части предков русских (и русскоязычной води) в Западное Причудье, как и полуверцев в окрестности Ийзаку, могло произойти не позднее

¹ Местные русские омут называли «омуть», поэтому название «Омут» произносилось как «Омуть», «в Омуть».

конца XVI в. — вполне разумное время для возникновения к концу XVIII в. архаизмов в языке. В Западном Причудье помимо вышеперечисленного следы русского присутствия в XVI в. проявились в ревизии 1638 г. и в существовании русских богослужебных книг XV—XVI вв.

Как излагалось в начале статьи, русские Северного и Западного Причудья образованы двумя переселенческими волнами, разнящимися на две сотни лет. Для Северного Причудья не вызывает сомнения, что интенсивность первой волны была значительно выше, чем второй, что и сохранило архаизмы в русском языке переселенцев первой волны. Однако в Западном Причудье картину запутало распространившееся по побережью в конце XVIII в. старообрядчество, в результате чего сложилось мнение о массовом переселении сюда раскольников из России. Исходя из приведенных В. Мурель, А. Моора и нами данных есть все основания считать доказанным, что значительная часть первой волны русских переселенцев в Северное и Западное Причудье приняла участие в формировании русского населения западного побережья, а интенсивность второй волны, связанной с появлением беглых и раскольников, была не столь высокой, как принято считать. Тем самым имеется много свидетельств того, что потомки дораскольных русских (точнее, русскоязычных) Северного и Западного Причудья, сохранявшие элементы дониконовского православия вплоть до начала XIX в., являются предками значительного числа живущих на западном побережье русских православных и старообрядцев. Живя в XVII в. за пределами России в условиях отсутствия православных церквей, никакого отношения к расколу они не имели. Основные перечисленные выше особенности, несомненно, связаны с первой волной русских переселенцев. Сведёние истории русских Причудья к истории появления раскольников на западном побережье и приписывание им всех особенностей западнопричудцев не имело и не имеет никаких научных оснований.

VI. Заключение

Без каких-либо документальных обоснований распространено мнение о том, что основное русское население западного побережья Чудского озера Эстонии образовано раскольниками, в конце XVIII в. переселившимися сюда непосредственно из России для сохранения своих религиозных убеждений. Сторонники этого мнения не учитывают всех известных фактов и ссылаются на монографии А. Моора и Е. Рихтер, в которых якобы содержатся подтверждающие его аргументы. Но в монографиях это мнение ничем по сути не аргументировано.

Согласно документальным данным, в основном обнаруженным А. Моора, заселение западного берега русскими началось после 1758 г. со стороны Прибалтики (документы 1758, 1782 гг.), с начала XIX в. половина русских была старообрядческой (1821, 1861, 1868 гг.), при этом многие из переселенцев знали эстонский язык (1789, 1822, 1836 гг.). Это означало, что большая часть русских долгое время прожила во внутренних волостях нынешней Эстонии и по канонам того времени их фамилии или прозвища вносились в списки лютеранских приходов. При выходе на побережье русские поначалу были причислены к православной церкви (сведения 1789, 1861 гг.). Поэтому с начала переселения русских на западное побережье никаких фактов преимущественного заселения его раскольниками нет, нет и свидетельств переселения заметных по численности групп раскольников на территорию нынешней Эстонии.

Обнаружение нами более 2/3 фамилий старообрядцев 1855 г. в списках фамилий лютеранских приходов нынешней Эстонии дало возможность подтвердить данные А. Моора и определить, из каких волостей основная часть предков причудских старообрядцев переселялась на побережье. В заселении побережья участвовали как недавно появившиеся русские, так и значительная часть тех, кто проживал на территории нынешней Эстонии до раскола православной церкви в России. Участие потомков «дораскольных» русских, в условиях верховенства лютеранской церкви сохранявших элементы дониконовского православия, удалось выявить при комплексном подходе к проблеме. Все имеющиеся факты естественным образом согласуются с материалами Канцелярии Остзейского генерал-губернатора 1811–1861 гг. в том, что старообрядчество распространено федосеевскими проповедниками среди селившихся на берегу русских, а не в результате переселения раскольников. Таким образом, впервые за последние сто лет история заселения русскими западного берега Чудского озера Эстонии и возникновения там старообрядчества основаны на документальных сведениях без каких-либо дополнительных предположений и включает все известные к настоящему времени факты о русских Причудья Эстонии. Основные особенности языка и традиций западно-причудцев привнесены потомками старожильческого населения Северного и Западного Причудья, переселившегося сюда до раскола православной церкви в России.

VII. Благодарности

Авторы выражают искреннюю благодарность причудцам православного и старообрядческого вероисповедования, принявшим участие в обсуждении затронутых в статье вопросов,

особенно Зое Ивановне Куткиной, Зинаиде Павловне Пальк и Владимиру Лаврентьевичу Гришакову, а также всем членам общества «Причудье», корреспонденту газеты «Молодежь Эстонии» Нелли Ивановне Кузнецовой, откорректировавшей и напечатавшей ряд наших статей. Выражаем глубокую благодарность преждевременно скончавшемуся профессору Вильнюсского университета Валерию Николаевичу Чекмонасу за обсуждение и поддержку наших первых шагов в области истории русских Причудья. Трудно подобрать слова для выражения благодарности профессору Тартуского университета, зав. кафедрой славистики Александру Дмитриевичу Дуличенко за участие, которое он оказывал на всех стадиях исследования, включая советы во время сбора материала и окончательной подготовки наших публикаций к печати.

Список сокращений

ЕАА — Исторический архив Эстонии

Архивные материалы

- ЕАА. F. 291. Nim. 1. S. 173. Lk. 1–2. Донесение от Рижского военного губернатора и главноуправляющего гражданской частью в Остзейских губерниях господину управляющему министерством внутренних дел. Рига. 1821 г.
- ЕАА. F. 291. Nim. 1. S. 16116. Lk. 10–83. Его светлости господину Прибалтийскому генерал-губернатору, князю Итальянскому графу Суворову Рымникскому. Комиссии учрежденной для соображений об устройстве быта русских поселенцев на Лифляндском берегу Пейпуса. Донесение. 1861 г.
- ЕАА. F. 291. Nim. 8. S. 1650. Lk. 121–169. Именной список раскольников, жительствующих на мызах Дерптского уезда, приписанных к городским обществам за 1855 г.
- ЕАА. F. 1384. Nim. 1. S. 8. Lk. 1–28. Сия книга старообрядского молитвенного дому общества, принадлежащего Кавасты мызы деревни Вороньи 1833 года месяца февраля 9 дня. 1833 г.
- ЕАА. F. 1865. Nim. 2. S. 23/1. Lk. 29–38. Liivimaa kubermangu revisjonilehete kollektsoon. Neljas hingerevisjon 1782. Tartumaa. Kodavere kihelkond. Alatskivi (Allatzkiwwi) mõis: revisjonilehed.

Библиография

- Агеева А.А.* Из истории староверов Западного Причудья // Очерки по истории и культуре староверов Эстонии: Сб. статей / [Отв. ред. И.П. Кюльмоя]. Тарту: Tartu Ülikooli Kirjastus, 2004. С. 18–143.
- Бобров В.* Материалы к познанию русских говоров Лифляндской губернии // Zbornik u slavu Vatröslava Jagića. Berlin: Weidemannsche Buchhandlung, 1908. S. 389–395.

- Булгарин Ф.* Сочинения Фаддея Булгарина. СПб.: Гуттенбергская типография, 1836. Ч. 3.
- [Всеобщая перепись 1897, Лифляндия] Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. 49: Лифляндская губерния. Изд. центрального статистического комитета министерства внутренних дел / Ред. Н.А. Троицкий. СПб.: Изд. Цент. стат. комитета Мин-ва вн. дел, 1905.
- [Всеобщая перепись 1897, Эстляндия] Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. 21: Эстляндская губерния. Изд. центрального статистического комитета министерства внутренних дел / Ред. Н.А. Троицкий. СПб.: Изд. Цент. стат. комитета Мин-ва вн. дел, 1905.
- Гиппинг А.И.* Нева и Ниеншанц (1909). Пер. А.С. Лаппо-Данилевского. СПб.: Лига Плюс, 2003.
- Дубьева Л.В.* Документы по истории староверов Эстонии в XIX веке // Русские старообрядцы. Язык. Культура. История) / [Отв. ред. Л.Л. Касаткин]. М.: Языки славянских культур, 2008. С. 542–570.
- Заварина А.А.* Из истории поселения старообрядцев в Латгалии // Атеизм и религия. Рига: Зинатне, 1969. С. 153–172.
- Заварина А.А.* Русское население Латвии // Русские в Латвии. Рига: ВЕДИ, 2003. С. 11–47.
- Исаков С.Г.* Путь длиною в тысячу лет. Tallinn: AS INGRI, 2008. Ч. 1.
- Лажечников И.И.* Последний новик. М.: Правда, 1983.
- Малышев К.А.* Краткая летопись Кикитовской общины в Причудском крае // Родная старина: Староверческий исторический вестник. Рига: Рижский староверческий кружок ревнителей старины, 1929. № 7. С. 27.
- [Материалы 1963] *Немченко В.Н., Сеница А.И., Мурникова Т.Ф.* Материалы для словаря русских старожильческих говоров Прибалтики. Рига: Зинатне, 1963.
- М.Н.С.* На Чудском озере // Исторический вестник: Историко-литературный журнал. СПб., 1896. С. 605–628.
- Мизун Ю.В., Мизун Ю.Г.* Тайны русского раскола. М.: Вече, 2002.
- Михайлов Л.* Поселения Причудья. Tallinn: Tallinna Raamatukoda, 2008.
- Морозова Н., Новиков Ю.* Фольклор староверов Эстонии. Тарту: Trükikoda Grejf, 2007.
- Мусаев В.И.* Политическая история Ингерманландии в конце XIX — XX веке. СПб.: Нестор-История, 2004.
- [ПСЗ I] Полное собрание законов Российской империи с 1649 по 1675 г. Собр. 1-е. СПб.: Тип. 2 отд-ния собств. е. и. в. канцелярии, 1830. Т. 1.
- [ПСЗ X] Полное собрание законов Российской империи 1737–1739. Собр. 1-е. СПб.: Тип. 2 отд-ния собств. е. и. в. канцелярии, 1830. Т. 10.
- Пономарева Г.* Староверы Эстонии. Тарту: Quick Print, 2000.
- Пономарева Г., Шор Т.* Староверы Эстонии. Краткий исторический справочник. Тарту: Kirjastus HUMA, 2006.

- Рихтер Е.* Русское население Западного Причудья. Таллинн: Валгус, 1976.
- Ровнова О.Г., Кюльмоя И.П.* Говоры староверов в современной Эстонии // Русские старообрядцы. Язык. Культура. История: Сб. статей / [Отв. ред. Л.Л. Касаткин]. М.: Языки славянских культур, 2008. С. 280–299.
- Род бояр Морозовых // Сайт «Бояре: Энциклопедия боярских родов» <<http://bojre.orthodoxy.ru/morozovu.htm>>.
- Рябинин Е.А.* Финно-угорские племена в составе древней Руси. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1997.
- Савихин Ф.А., Kasikov А.* Новый взгляд на формирование русского старообрядчества в Западном Причудье Эстонии (по историческим и языковым данным) // Russian Linguistics. 2005. Vol. 29. No 2. P. 137–187.
- Савихин Ф., Kasikov А., Васильченко Е.* Динамика изменения численности русского населения в Западном Причудье (Эстония) в XVII–XIX веках и проблема старообрядчества // Studia Slavica Hung. Budapest, 2009. Т. 54. Fasc. 2. С. 429–445.
- Савихин Ф., Kasikov А., Васильченко Е.* Русские Причудья Эстонии в XVI–XVIII веках (по историческим и языковым данным) // Рябининские чтения — 2007: Материалы научной конференции по изучению народной культуры Русского Севера / Отв. ред. Т.Г. Иванова. Петрозаводск, 2007 <<http://kizhi.karelia.ru/library/ryabinin-2007/510.html>>.
- [*Савихин 2002*] *Савихин-Скорыходов Ф.* Источники исторических недоразумений на примере Западного Причудья и шаги к их преодолению // Сайт «Архив Русского института». Конференция 2002: Материалы конференции «Русские в странах Балтии: прошлое, настоящее, будущее» <<http://web.zone.ee/russinstitut>>.
- [Сборник 1879] Русские беглые люди в Курляндии в 1783 г. // Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края. Рига: А. Липинский, 1879. Т. 2. С. 543–554.
- Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. М.: Мысль, 1991. Кн. 7. С. 236.
- [Список 1855] Именной список раскольников, жительствующих на мызах Дерптского уезда, приписанных к городским обществам за 1855 г. // Очерки по истории и культуре староверов Эстонии: Сб. статей / [Отв. ред. И.П. Кюльмоя]. Тарту: Tartu Ülikooli Kirjastus, 2004. С. 27–103.
- Трусман Ю.* Исацкие полуверцы в Эстляндской губернии // Временник Эстляндской губернии. Ревель, 1895а. Т. 2. С. 1–38.
- Трусман Ю.* Русские элементы в Эстляндии в XIII–XV вв. // Временник Эстляндской губернии. Ревель, 1895б. Т. 1. С. 55–85.
- Хвоцинская В.Н.* Погребения в грунтовых ямах в могильнике у дер. Залахтовье // Проблемы истории и культуры Северо-Запада РСФСР. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1977. С. 118–120.
- Хейтер Х.* Фонетика и морфология островного русского говора Ийзаку на территории ЭССР. Автореф. ... канд. филол. наук. Тарту, 1970.

- Шлыгина Н.В.* Религиозная ситуация в Ингерманландии в конце XVII века // Этнографическое обозрение. 2003. № 5. С. 100–109.
- Andresen A.* Eestima korraldus 1710–1832. Riigivõimu mõju institutsioonidele ja õigusele. Tartu: Tartu Ülikooli doktoritööd, 2008.
- Annist S.* Vene asustusest Räpinas XVIII sajandi I poolel // Eesti Geograafia Seltsi aastaraamat 1973. Tallinn: Valgus, 1974. Lk. 225–247.
- Dr. Bertram (G.J. Schultz).* Wagien. Baltische Studien und Erinnerungen. Dorpat: W.Glasers Verlag, 1868.
- [EE 2002] Eesti Entsüklopeedia. Tallinn: Eesti Entsüklopeediakirjastus, 2002. K. 11.
- [ERA 1933] *Libe J., Oinas A., Sepp H., Vasar J.* (toim.). Eesti Rahva Ajalugu. Tartu: K./Ü. LOODUS, 1933. K. 2.
- Hupel A.W.* Topografische Nachrichten von Lief- und Ehistland. Riga: Johann Friedrich Hartknoch, 1782. Bd. 3.
- Hupel A.W.* Die gegenwärtige Verfassung der Rigischen und der Revalschen Stadthaltschaft. Riga: Johann Friedrich Hartknoch, 1789.
- Kõpp J.* Laiuse kihelkonda ajalugu. Tartu: Eesti Kirjanduse Selts, 1937.
- Ligi H.* Talurahva arv ja paiknemine Lõuna-Eestis aastail 1711–1816 // Tartu: Tartu Riiklik Ülikooli toimetised, 1976. Vol. 271. Lk. 33–100.
- Liiv O.* Vene asustusest Alutagusel. Tartu: K.-Ü. LOODUS, 1928.
- [Livländische GU 1908] Livländische Güterurkunden (aus den Jahren 1207 bis 1500). Herausgeg. H. von Bruingk und N. Busch. Riga: Kommissionverlag von Jonck & Poliewsky, 1908.
- Masing O.* Maarahva Näddala-Leht 2. Tartu, 1821.
- Mellin L.A.* Atlas von Liefland und Estland. Der Dörptsche Kreis. Riga und Leipzig, 1796. No. 6.
- Moora A.* Peipsimaa etnilisest ajaloost. Tallinn: Eesti Riiklik Kirjandus, 1964.
- Murel V.* Vene asustusest Peipsi läänerrannikul XVII sajandil // Geograafiaalaseid töid. Tartu: Tartu Riiklik Ülikooli toimetised, 1962. Vol. 128. Lk. 142–149.
- Pall V.* Põhja-Tartumaa kohanimed. Tallinn: Valgus, 1969.
- [Revision 1638] Livimaa 1638 maarevisjon. Eesti asustusala I. Kaguosa // Tartu: ENSV Riigi Keskarhiivi Tartu Osakonna Toimetised, 1941. Nr. 1 (7). Lk. 1–351; Die Revision Livlands 1638. Estnisches Siedlungsgebiet II. Hefte zur Landeskunde Estlands. München: Herausgeber Oleg Roslavlev, 1969. H. 4. S. 1–283.
- Ränk G.* Peipsi kalastusest // Õpetatud Eesti Seltsi Kirjad. Tartu: Õpetatud Eesti Selts, 1934. K. 2. Lk. 1–29.
- Tvauri A.* Eesti hilisrauaaja savinõud (11. sajandist 13. sajandi keskpaigani). Tartu; Tallinn: Ajalookirjanduse Sihtasutus Kleio, 2005.

Приложение 1

Сопоставление фамилий (колонки I, III) и мест прописки (II, IV) старообрядцев деревни Воронья (Varņja) в 1833 (I, II) и 1855 гг. (III, IV) и фамилий и волостей прописки в списках лютеранских приходов (колонка V). В колонке III указан и возраст старообрядца.

Список прихожан в 1833 г.	Место прописки в 1833 г.	Список фамилий старообрядцев 1855 г.	Город прописки	Списки лютеранских приходов, место прописки
I	II	III	IV	V
1. <i>Осип Иванав Сарвин</i> сын <i>Артеми Осипав</i> жена <i>Иринья Самуилава</i> дети их: <i>Онисим</i> <i>Григорій</i> <i>Абрам</i> <i>Симан</i> <i>Антонин</i>	<i>кавастинской</i>			Sarwin, Kavastu, уезд Тарту
2. <i>Иван Лаврентьев Куткин</i> сын <i>Петр Иванав</i>	<i>дерпской</i>	П.И. Куткин, 45 л.	Дерпт	Kutka, Kuigasti, уезд Тарту
3. <i>Алексій Васильев Рятцеп</i> сын <i>Афанасій Алексеев</i>	<i>кавастинской</i>	А.В. Рятипов, 62 г. А.А. Рятипов, 38 л.	Вольмар Вольмар	Retsep, Kavastu, уезд Тарту
4. <i>Петр Онтонав Кондратьев</i>	<i>дерпской</i>			Antonow, Luke, уезд Тарту
5. <i>Яков Трофимав Трошов</i>	<i>кавастиньской</i>			Troschow, Kavastu, уезд Тарту
6. <i>Петр Иванав Саянкин</i> сын <i>Дементей Петров</i> сын <i>Макар Дементьев</i>	<i>кавастиньской</i> <i>кавастиньской</i>	М.Д. Саянкин, 44 г.	Везенберг	Sajenkin, Kavastu, уезд Тарту
7. <i>Яков Кондратьев Саянкин</i>	<i>кавастиньской</i>			Sajenkin, Kavastu, уезд Тарту

I	II	III	IV	V
8. Иван Самуи́лав сестра Анна Самуи́лава	дерпской кавастиньская	И.Ф. Самуилов, 40 л.	Везенберг	Samul, Kavastu, уезд Тарту Samul. Kavastu, уезд Тарту
9. Кузма Петров	дерпской	К.П. Соколов, 75 л.	Дерпт	Sokolow, Haaslawa, уезд Тарту
10. Юфим Иваныч Круглав	Пайды			Kruk, Rakvere, Эстляндия
11. Овдо́тья Лавре́нтьева Щу́пятава сын Тарас Никанав	мемзельская	Т.Н. Серпухов, 27 л.	Лемзаль	Schupätan, Arumäe, Эстляндия
12. Иван Алексеич Фомин сын Демид Иванов брат Михайла Алексеич	дерпской дерпской нарской	И.А. Фомин, 82 г. Д.И. Фомин, 42 г.	Дерпт Дерпт	Womma, Kastre, уезд Тарту
13. Микита Филатав Филатав сын его Ермалай Микитин брат Егор Филатав	Пайды Пайды	Е.Н. Сонцов, 27 л. Е.Ф. Сонцов, 40 л.	Вейсенштейн Вейсенштейн	Filatow, Mustajõe, Эстляндия Sonse, Mündi, Эстляндия
14. Григорий Яковлев Сосницкий	дерпской			Jaska, VnPrangli, уезд Тарту
15. Юфим Андреев Ершов дети: Максим Юфимов Иван Юфимов	валмерской	М. Ефимов Ершов, 24 г. И.Е. Ершов, 20 л.	Вольмар Вольмар	есть Jerschow, Pagari, Эстляндия
16. Вдова Мари́я Осипава	пайдавская			Osip, Kohala, Эстляндия
17. Мака́р Ива́нав Китов	Пайды			Kittow, Tärevere, Эстляндия
18. Агафи́я Петро́ва Галащи́ха	кавастиньская			Petroff, Rasina, уезд Тарту
19. Афанаси Ива́нав Буда́рин дети: Антон Афанасьев Михайла Афанасьев	Пайды	А.А. Бударов, 46 л. М.А. Бударов, 37 л.	Вейсенштейн Вейсенштейн	Iwwan, Porkuni, Эстляндия

I	II	III	IV	V
20. Катерина Федарава Катячка сын Егор Герасимав	дерпская	Е.Г. Каткин, 40 л.	Дерпт	Feodor Gawrilla, Kavastu, уезд Тарту Katko, Undla, Эстляндия
21. Михайла Иванавъ Манай	дерпской	М.И. Монай, 40 л.	Дерпт	Iwanow, Haaslava, уезд Тарту
22. Прасковья Максим. Крылошана	дерпская	П. Максимова, 74 г.	Дерпт	Maksim, Aakre, уезд Тарту
23. Осип Семенов Крендель	кавастиньской			Krendaw, Kavastu, уезд Тарту
24. Мирон Алексеев сын Игнатей Миронав	валмерской	И.М. Красников, 30 л.	Вольмар	есть Krasna, Pangodi, уезд Тарту
25. Микифар Петров Китсенак	кавастиньской			Kitsow, Kavastu, уезд Тарту
26. Назар Петров	рижской	Н.П. Берестов, 51 г.	Рига	
27. Артемей Осипав	Пайды	А.О. Кошков, 45 л.	Вейсенштейн	Koschka, Jõhvi, Эстляндия
28. Бобыль Михайла Яковл. Щербак	Валак			Serba, Kuigasti, уезд Тарту
29. Фома Овсеев Редучина	мезельской			
30. Дементей Матфеев Мадисинак	кавастиньской			Maddisen, Kavastu, уезд Тарту
31. Григорий Тимофеев Суета сын Кузма Григорьев дочь Прасковья Кузмина	кесиньской	Г. Тимофеев, 86 л. К.Г. Сустов, 44 г. Параскева, 19 лет	Венден Венден Венден	Suet, Kaagjägve, уезд Выру
32. Иван Ермолаев Лизун сын Юфим Иванав	вельянской	Е.И. Лизунов, 21 г.	Феллинь	есть Jermiska, Ambla, Эстляндия
33. Онисим Кузмин	Пайды			Kusma, Mäetaguse, Эстляндия

I	II	III	IV	V
34. <i>Иван Абаканав, Волка зять жена Анна Михаилага дети: Иван Иваныч Фома Иваныч</i>	<i>Валак</i>	И.А. Волков, 59 л. сожит. А. Михаилова, 54 г. И.И. Волков, 29 л. Ф.И. Волков, 22 г.	Валк Валк Валк Валк	Wolk, Vastseliina, уезд Выру
35. <i>Николай Федарав Кузнецов</i>	<i>кавастиньской</i>			Kusnezow, Kavastu, уезд Тарту
36. <i>Егор Трофимава</i>	<i>кавастиньской</i>			Trafim, Vasula, уезд Тарту
37. <i>Филип Самуилава Филюша</i>	<i>дерпской</i>			Samul, Kavastu, уезд Тарту
38. <i>Илья Иванав Ганьтешынак</i>	<i>Пайды</i>			Iwann, Mustajõe, Эстляндия
39. <i>Митрий Иваныч жена Домна Семенова</i>	<i>Пайды</i>	Д.И. Кантохин, 46 л. сожит. Д. Семенова, 39 л.	Везенберг Везенберг	Iwann, Pagari, Эстляндия
40. <i>Феклист Иванав</i>	<i>Пайды</i>			Iwwan, Porkuni, Эстляндия
41. <i>Ларион Екимав</i>	<i>Пайды</i>			Jekkim, Täreveere, Эстляндия
42. <i>Архип Игнатъев Липартава сын Иван Архипав Степан Игнатъев Липартава</i>	<i>дерпской</i> <i>дерпской</i>	И.А. Липарт, 34 г.	Дерпт	Lippard, Räni, уезд Тарту
43. <i>Николай Филатава жена Степанида Сидарава</i>	<i>вериньской</i>	Н.Ф. Тысишник, 51 г. сожит. Ст. Сидорова, 59 л.	Верро Верро	Tuhand, Iigaste, уезд Выру
44. <i>Офинья Сидарава</i>	<i>вдовская</i>			
45. <i>Данила Онтонава Стряпухин жена Стефанида Иванова сын Александр Данилава</i>	<i>дерпской</i>	Д.А. Белобров, 40 л. сожит. Ст. Иванова, 36 л. Ал. Данилов, 19 л.	Дерпт Дерпт Дерпт	Anton, Võikvere, уезд Тарту
46. <i>Марк Екимав Тринишин сын Овсей Маркава</i>	<i>вериньской</i>	Е.М. Пастухов, 32 г.	Верро	Jekimow, Rärpina, уезд Выру

I	II	III	IV	V
47. Тимофей Иванов Мажан	дерпскай			Iwan, Vasula, уезд Тарту
48. Семен Китов	мемзильскай			Kittow, Tärevere, Эстляндия
49. Иван Китов	Пайды			Kittow, Tärevere, Эстляндия
50. Никита Матфеев Матюшын дети: Иван Никитин Иван Никитин брат Егор Матфеев жена Овдотья Антонова	Валак валацкай	И.Н. Матушенок, 27 л. И.Н. Матушенок, 24 г. Е.М. Матушев, 45 л. сожит. Евд. Антонова, 45 л.	Валк Валк Валк Валк	Matwei, Karksi, уезд Вильянди
51. Бобыль Тимофей Федотав	валацкай			
52. Федар Антонав Бурак	Шлок	Ф.А. Бураков, 48 л.	Шлок	
53. Дарья Михайлава Денисава	Пайды			Denisow, Ohakvere, Эстляндия
54. Марк Купреанав Купрешкин сын Акинтей Маркав	валмерскай	А.М. Купрешкин, 37 л.	Вольмар	
55. Леонтей Васильев Вассенак	дерпскай			Wasska, Mäksa, уезд Тарту
56. Тимофей Яковлев Празнишнай зять Якав Петров	Пайды дерпскай			Jaschka, Kauksi, Эстляндия Petrov, Keeri, уезд Тарту
57. Юфим Кузмич Таракан сын Ларион Юфимав	валацкай	Лаврентий Еф. Таракан, 24 г.	Валк	Kusma, Iigaste, уезд Выру
58. Василей Фомин Соменак сын Якав Васильев внук Александр Яковлев	Пайды	В.Ф. Самов, 79 л. Я.В. Самов, 46 л. А.Я. Самов, 22 г.	Вейсенштейн Вейсенштейн Вейсенштейн	Sommow, Rapla, Эстляндия
59. Семен Терентьев Терешонак	Пайды			Terenti, Tärevere, Эстляндия

I	II	III	IV	V
60. Еким Лутъенав Ретька сын Павел Екимов	Пайды	П. Якимов Реткин, 29 л.	Вейсенштейн	Lugan, M. ja Rääsa, Эстляндия
61. Катерина Филипова Фиша	мемзельская			
62. Клеменьтей Иевлев Ешкин брат Сергей Иевлев	вериньской вериньской	Сергей Евлев, 37 л.	Верро	Eliow, ...vald, уезд Выру Eliow, ...vald, уезд Выру
63. Алексей Васильич Фетфебель	валмерской			
64. Кастентин Тимофеев Захаренак жена Марья Михайлава	дерпской	К. Захаров, 51 г. сожительница Марья, 43 г.	Дерпт Дерпт	Zachar, Kuigasti, уезд Тарту
65. Гаврила Федарав Щербак	дерпской			Serba, Ahja, уезд Тарту
66. Якав Григорьев Поп	рижской			
67. Игнатей Захарав Захаренак сын Филарет Игнатъев	дерпской	Ф.И. Захаров, 22 г.	Дерпт	Sachar, Arula, уезд Тарту
68. Карп Иванав Рямилъ сын Димитрии Карпин	дерпской	Д.К. Ремелев, 31 г.	Дерпт	Remmeli, Ahja, уезд Тарту
69. Петр Яковлев Кузнецов	кавастиньской			Kusnezow, Kavastu, уезд Тарту
70. Иван Петров Кузнецов	кавастиньской			Kusnezow, Kavastu, уезд Тарту
71. Конан Иванав Беспалай	пайденьской			Bespalow, Kastre, уезд Тарту
72. Степан Андреев Псечкин сын Иван Степанав брат Игнат Андреев сын Фома Игнатъев брат сестра Марфа Андреева Псечкина	вериньской вериньской кавастиньская	И.С. Сочинский, 21 г. Ф.И. Сочинский, 21 г. Д.А. Сочинский, 42 г.	Верро Верро Верро	Andrei, Vn.-Antsla, уезд Выру

I	II	III	IV	V
73. Федар Алексеев, Агапихин зять жена Офимья Агапова сын Марк Федарав	вилянскэй	Ф.А. Агапов, 54 г. сожит. Ефимия Аг., 55 л. Маргиньян Федоров, 27 л.	Феллин Верро Феллин	Alexey, Märjamaa, Эстляндия
74. Аксенья Тарасьева дочь Офимья Богданава	мемзильская	Ефимия Богданова, 30 л.	Лемзаль	
75. Клементей Сергеев Паляков сын Митрей Клементьев жена Акулина Микифарова	кесинскэй	Д.К. Поляков, 54 г. сожит. Ак. Никифорова, 44 г.	Венден Вейсенштейн	Palak, Väimela, уезд Выру
76. Савелей Степанав Подзнойнак	Пайды	С.С. Подзноев, 40 л.	Вейсенштейн	Stepan, Pagari, Эстляндия
77. Петр Кандратьев Канавалав	Валак			Kanawall, Adavere, уезд Вильянди
78. Петр Яковлев Сосницки	дерпскэй	П.Я. Тосмин, 57 л.	Дерпт	Jaska, Alatskivi, уезд Тарту
79. Савелей Иваныч Паляков дочь Прасковья Савельева	дерпскэй	П.С. Полякова, 26 л.	Дерпт	Paljak, Avinurme, уезд Тарту
80. Сергей Максимав Крилов	Пайды			Krilow, Pagari, Эстляндия
81. Митрий Иваныч Гамза дети: Василей Митрич Трофим Митриев	Пайды	В.М. Гомзин, 39 л. Т.М. Гомзин, 21 г.	Вейсенштейн Вейсенштейн	Gamseen, Sompa, Эстляндия
82. Пелагия Фоминишна Гамзенава сын Григорий Тимофеев жена Ирина Яковлева сын Федар Григорьев	дерпская	Г.Т. Гомзин, 55 л. сожит. Иринья, 43 г. Феодор, 21 г.	Дерпт Дерпт Дерпт	Kamsen, Põltsamaa, уезд Вильянди Kamsen, Põltsamaa, уезд Вильянди
83.		Фома Иванов Арефий, 70 л.	Лемзаль	
84.		Михаил Эмильянов Козлов, 31 г.	Дерпт	Koslow, Kavastu, уезд Тарту

I	II	III	IV	V
85.		Лаврентій Петров Портной, 22 г.	Дерпт	Portnoi, L.-Tähkvere, уезд Тарту
86.		Марья Сафронова Макаренко, 52 г.	Дерпт	Makkar, Kudina, уезд Тарту
87.		Пелагея Семенова Пасудник, 27 л.	Дерпт	Gregoritsch, Taavi, уезд Тарту
88.		Дмитрій Григорьев Каменщик, 28 л.	Дерпт	
89.		Иван Тимофеев Мошаров, 34 г.	Везенберг	Mosar, Kolga, Эстляндия
90.		Лука Иванов Ципкин, 24 г.	Вейсенштейн	Sippa, Väike Kareda, Эстляндия
91.		Марья Иванова Трухина, 49 л.	Вейсенштейн	Truskin, Haljava, Эстляндия
92.		Марья Ананьева Самакруткина, 36 л.	Дерпт	
93.		Мартин Федоров Карпов, 28 л.	Венден	есть Karpik, Sangaste, уезд Тарту
94.		Евдокия Никитина Глазова, 45 л.	Вейсенштейн	Glasow, Kuimetsa, Эстляндия
95.		(Опиков)		Hoppekow, Kastre, уезд Тарту
96.		(Коротков)		Korotka, Ahja, уезд Тарту
97.		(Кохтов)		Kocht, Pajusi, уезд Вильянди
98.		(Самулкин)		Samulkin, Kavastu, уезд Тарту
99.		(Туксов)		Tuks, Uderna, уезд Тарту